

ОГЛАВЛЕНИЕ.

	Стран.
I. Казань во второй половинѣ XVI вѣка	3.
II. Характеръ мѣстности, на которой была построена Казань	6.
III. Администрація города и края, административныя лица, суды, внутреннія полицейскія мѣры для благоустройства города и мѣры для защиты отъ внезапныхъ нападеній	16.
IV. Населеніе города Казани въ XVI вѣкѣ; казанская аристократія тогдашняго времени, казанскіе опальные и переселенцы и ногородные: церкви и духовенство, стрѣльцы, пушкари, зелейщики, новокрещены	30.
V. Казанскій Кремль въ XVI вѣкѣ: городскія стѣны и ворота, Спасская башня съ церковью Спаса-Нерукотвореннаго, Царскій дворецъ, Спасо-Преображенскій монастырь, Соборъ Благовѣщенскій и прочія церкви кремлевскія, дворъ Архіепископа, Сумбекина башня и старый Ханскій дворъ	72.
VI. Казанскій посадъ XVI вѣка: гостиный дворъ, главныя улицы, ихъ число и направление: входилъ ли Булакъ въ татарскую Казань и въ татарскую крѣость прежде и во время осады ея въ 1522 г.; церкви, острогъ вокругъ посада, ворота Казанского острога, названія ихъ русскія и татарскія	156.
VII. Ходъ осады и взятія Казани въ 1552 году русскими войсками	204.

въ своемъ течениі на съверъ, по необходимости, долженъ течь медленно.

VI.

Казанскій посадъ XVI вѣка: гостиный дворъ главныя улицы, ихъ число и направлениe; входиаъ ли Булакъ въ татарскую Казань и въ татарскую крѣпость прежде и во время осады ея въ 1522 году; церкви, острогъ вокругъ посада, ворота Казанскаго острога, названія ихъ русскія и татарскія.

Казань шестидесятихъ годовъ XVI вѣка представляетъ много сходнаго въ расположениі ея улицъ съ современнаю Казанью, только необходимо принять во вниманіе, что тогда Казань представляла всѣ недостатки стариннаго города, а именно: неправильность улицъ, пресъчаность главныхъ улицъ множествомъ переулковъ неправильной формы, въ которыхъ дома часто стояли не по прямой линіи, а одинъ къ другому бокомъ, отчего въ самыхъ переулкахъ и на главныхъ улицахъ по линіи домовъ приходились глубокіе впадины въ сторону, имѣвшіе форму неправильныхъ треугольниковъ или глухихъ переулковъ, называвшихся Тупиками. Это послѣднее название сохранилось и доселъ во многихъ современныхъ нацъ старинныхъ русскихъ городахъ. Особенно неправильны были площади. Самыя улицы были узки, поверхность ихъ была неровна и холмиста, пресъкалась промоннами, чрезъ которыхъ перекидывались живые мостики; линія домовъ то подижалась, то повышалась сообразно неправильной поверхности улицы. Въ Писцовой книгѣ мы часто встрѣчаемъ выраженіе: дома стоять на вымѣль, т. е. на возвышенномъ мѣстѣ. Тѣснота улицъ, наполненныхъ исключительно деревянными постройками была причиною частыхъ пожаровъ, истребившихъ Казань до тла въ 1595, 1672, 1694, 1749, 1754 и 1774 годахъ⁽¹⁾. Однимъ словомъ — до конца XVIII

(1) Кратк. Ист. гор. Казани. Рыбушкіна. Изд. 1-е, ч. I, стр. 10-л.

вѣка, именно: до разрушенія Казани Пугачевымъ и до извѣстнаго указа Императрицы Екатерины II. отъ 4 Апрѣля 1775 года которымъ повелѣно было Губернатору князю Мещерскому строить вновь Казань по правильному плану, для чего отпущено жителямъ 500 тысячъ рублей, Казань представляла видъ не города, а большой деревни, какъ называли прежде и самую столицу Русскаго Государства, Москву.

Строиться улицами было издавна въ обычай у русскихъ, въ противоположность народамъ средне-азіатскимъ. Въ посадахъ улицы носили названія по именамъ церквей, построенныхъ на нихъ, напр. Димитріевская, Воскресенская Успенская, иногда—по занятиямъ тѣхъ, которые на нихъ жили, напр. Калачная, Ямская, иногда—по какимъ-нибудь собственнымъ именамъ прозвищъ, напр. Бугрѣева, Пароеновка. Въ Казани XVI вѣка мы видимъ улицы *Спасскую*, *Воскресенскую*, *Воздвиженскую*, получившія свои названія отъ церквей, на нихъ стоявшихъ и до сего времени сохранившихся. Казансія улицы и слободы *Пушкарская*, *Стрѣлецкая*, *Ямская*, *Псковская*, *Вологодская* и *Тульская* получили свои название отъ жителей этихъ улицъ, пушкарей, стрѣльцовъ, ямщиковъ, переселенцевъ изъ Пскова, изъ Вологды, изъ Тулы и т. д. Кроме того въ Казани существовало довольно значительное количество улицъ и переулковъ, получившихъ свое название отъ прозвищъ ихъ старинныхъ жителей, напримѣръ *Щекушина* переулокъ часть, улицы, гдѣ дворъ *Шухнова* или дворъ *Шеломова*, дворъ Истомы *Ляпунова*, Тихона *Ширшова*, *Лучки Толмача*, *Елизара Ивина*, *Ивана Долгова*. Это были, вероятно, зажиточные именитые жители, дома у которыхъ были лучшіе другихъ, и писцы, записывая имена ихъ въ Писцовую книгу, только следили общему обычаю всѣхъ жителей Казани употреблять эти прозвища для означенія известной мѣстности въ городѣ, которую могъ указать и встрѣчный и пооперечный, если ему назвать только прозвище именитаго человѣка, выстроившаго тамъ себѣ домъ. Мы и до сихъ поръ пользуемся этимъ способомъ, чтобы направить посланного куда следуетъ въ городѣ. Наконецъ были такія улицы въ Казани, которыхъ назывались или отъ тѣхъ зданій и заведеній, которыхъ на нихъ стояли, или отъ тѣхъ городовъ или селъ въ окрестностяхъ, къ которымъ

чрезъ эти улицы лежала дорога, напримѣръ, *Банная, Пивоваренная, Арская*.

Улицы въ нашихъ старинныхъ городахъ по перекресткамъ украшались образами въ кютахъ, иногда образа ставились по краямъ улицъ,—на мѣстахъ же торговыхъ образа ставились на крестцахъ. Всѣ улицы со всѣхъ сторонъ обыкновенно сходились неправильными линіями къ площадямъ, которые служили центромъ торговли и вообще всѣхъ сношеній между собою жителей посада. На площадяхъ обыкновенно стояли ряды и лавки, гдѣ не только продавали, но и работали, прилавки съ различными мелочами, скамьи съ мясными и рыбными припасами, калячи, харчевни, гдѣ собирались гуляки, тутъ же стояла изба земская, мѣсто выборного управления. Иногда этотъ торгъ обносился стѣнами и представлялъ собою отдельное строеніе съ воротами, запиравшимися на ночь и охраняемыми стражами. Въ Казани XVI в. существовало иль сколько площадей: между ними главною площадью была Спасская, гдѣ сосредоточивалась вся торговля. Кроме этой площади около церкви Петра и Павла была еще *коневья площадка*; за Булакомъ около Казанки также была площадь. (Писц. кн. стр. 57, 61).

Въ древней Казани улицъ было не много, но нась поражаетъ многочисленность малыхъ улицъ и переулковъ. Геодезистъ Пестриковъ нашелъ въ 1739 году въ Казани 9-ть большихъ или главныхъ улицъ, когда уже городъ значительно увеличился въ сравненіи съ Казанью XVI вѣка и въ немъ застроились такія мѣстности, гдѣ прежде были выгоны или лѣсы. Малыхъ улицъ и переулковъ Пестриковъ насчиталъ огромное количество—170-ть; а торжковъ базаровъ и площадей было 10-ть. (1) Попытаемся набросать въ общихъ чертахъ картину Казанского посада XVI вѣка, начавъ наше описание отъ Спасскихъ кремлевскихъ воротъ.

Отъ Спасскихъ воротъ начиналась Спасская улица; она шла не такъ прямо, какъ выше, а ея направление шло немнога въ лѣвую сторону,—на это намекаетъ наимъ Писцовая книга и въ этомъ убѣдились мы, при недавней раскоп-

(1) См. Опытъ Каз. Ист. Рычкова. 1767 г., стр. 183.

конец улицы, для прокладывания водопроводных и газовых трубъ: толстый слой грязи и различныхъ уличныхъ ваносовъ и остатковъ шель по направлению отъ каменного мостика вправо къ Гостииному ряду, вся же лѣвая часть Воскресенской улицы, гдѣ стоять дома Городского Общества и г. Апакова, представляла твердый, глинистый грунтъ. Предъ Спасскими воротами въ всей юго-восточной стороной кремлевской стѣны, за Тезицкимъ оврагомъ, находилась Спасская площадь, и на ней-то стояль Гостиинъ дворъ, почти на его настоящемъ мѣстѣ. «Отъ городовыя каменные стѣны до Гостиинаго двора площали по розжаго мѣста 52 сажени, говорится въ Писцовой книгѣ (стр. 57), на Гостиинъ-дворѣ трои ворота, а мѣра двору отъ Спасския улицы и отъ Псковскаго ряду и отъ большихъ воротъ Гостина двора ко Псковской улицѣ сзади посадскихъ сведенцевыхъ дворовъ длина и съ тѣмъ, что подъ анбары, 56 сажень а поперекъ двора отъ воротъ Гостина двора, которые ворота къ городу къ Никольскимъ воротамъ, Гостина и съ тѣмъ, что подъ анбары, 48 сажень. А дѣлаютъ Гостиинъ дворъ весь изъ Государевы казны и плотники Государевы.»

Изъ этого описанія мы видимъ, что площадь Спасской улицы почти равнялась по пространству нынѣшней Спасской площади; что въ Казанскомъ Гостииномъ ряду сохранилось столько же воротъ, сколько было ихъ въ Гостииномъ дворѣ XVI вѣка; что Никольскія ворота стояли въ выдающейся на западъ части Кремлевской стѣны и отъ нихъ по западной части Кремлевской горы шла дорога къ церкви Николы-Ляпуновской, отъ которой эти ворота, можетъ быть, и получили свое имя, какъ въ настоящее время восточный кремлевскій ворота называются Цитницкими по тому, что ведутъ къ Цитницкой церкви. Гостиинный рядъ въ XVI столѣтіи, по описанію Писц. книги, имѣлъ иѣко-торое сходство, по своему внутреннему расположению, съ нынѣшнимъ. Съ лицевой стороны, выходившей на Спасскую улицу, расположены были лавки богатыхъ гостей, а внутри двора сидѣли различные мелочные торговцы, въ западной же его части расположены были лавки торговцевъ съѣстными припасами — рыбью, мясомъ и т. п.. Писцы засчитали въ книгу лишь мѣсто и число амбаровъ (лавокъ), и сколько съ каждого изъ этихъ амбаровъ взималось въ годъ пош-

лины, яо не записали предметовъ торговли. Съ промысловъ болѣе цѣнныхъ и доходныхъ оброку въ пользу казны взималось въ недѣлю до 20-ти алтынъ съ гризною, съ мелочвой торговли по 11-ти денегъ въ недѣлю. Особенно высокою пошлиною обложены были лавки Исковскихъ гостей. Серебряные мастера обложены были податью въ 10-ть и въ 5-ть алтынъ; хозяева лавокъ съ желѣзными товарами платили по 15 алтынъ. Въ Гостинномъ дворѣ былъ Костромской рядъ, въ которомъ было до 23-хъ лавокъ. Чѣмъ торговали Костромитяне, мы незнаемъ достовѣрно, во можно полагать, что предметами торговли Исковскихъ гостей были разныя матеріи, сукна, металлическія издѣлія, жемчугъ и т. п. (¹) Въ Дворѣ было нѣсколько крестцовъ: крестецъ *крупяной* находился вправо, если войти въ Гостинный дворъ чрезъ ворота со Спасской улицы, на *вымѣль* (²): далѣе на этой же сторонѣ на вымѣль же былъ крестецъ *рыбный*, на другихъ крестцахъ продавали хлѣбъ и калячи, находились разнаго рода лавки торговцевъ жизненными припасами и стояли бочки съ квасомъ; были также крестцы мучной, молочный и т. п. Около Спасскаго крестца начивался рыбный рядъ, имѣвшій 25-ть лавокъ по лѣвой и 26-ть лавокъ по правой сторонѣ. Надѣво отъ Спасскаго крестца шли мясные лавки—всего 16-ть лавокъ. Гостинный дворъ имѣлъ позади, къ Николь-Гостинному, проѣздныя ворота, близъ которыхъ также былъ крестецъ, называвшійся Никольскимъ. Такимъ образомъ Гостинный дворъ въ XVI вѣкѣ оканчивался около Никольской Гостинно-дворской церкви. Ворота отъ Спасской улицы были

(¹) Очеркъ торг. Моск. Гос. Костомарова, стр. 94.

(²) Ни въ одномъ изъ нашихъ лексиконовъ мы не нашли объясненія этого слова. Мы думаемъ, что это слово происходитъ отъ стариннаго корня: *met*—*место*—*metti*, *wymukas*—высовывать (польск.) въ смыслѣ поднятія кверху, изъ, вонъ; отсюда—*наметъ*, *выметать*, *выметка*, *выметнуться*, *вымѣл*, *вымла*. (См. Сравнит. Грам. Слав. и друг. род. язык. Шерцля 1871 г. ч. I, стр. 281). Неручаясь за вѣрность нашего объясненія, мы должны присовокупить, что вездѣ, гдѣ Писц. кн. указываетъ вымлы, почва возвышена.

въ сколько ближе къ Кремлю, чѣмъ вывѣшия. Около Никольского крестца былъ особый калачный рядъ: здѣсь были лавки, скамьи, полки, на которыхъ торговали хлѣбомъ и калачами,—всего такихъ торговыхъ мѣстъ было 39-ть. Русскіе XVI вѣка предпочитали ржавой хлѣбъ пшеничному: первый почитался болѣе питательною пищею, чѣмъ пшеничный, послѣдній въ видѣ калачей составлялъ самое лучшее лакомство, даже къ царскому столу бѣлый хлѣбъ пекли пополамъ съ ржаною мукой. Выше мы замѣтили, что въ Казанскомъ Гостинномъ дворѣ было около 60-ти рыбныхъ лавокъ. По отзывамъ иностранцевъ, Московское Государство изобиловало рыбой и рыбная пища предпочиталась русскими людьми мясной. Большею частию употребляли рыбу соленую и даже предпочитали такую рыбу, которая была недосолена и воила или, какъ говорили русскіе, *дошла*⁽¹⁾, т. е. годна къ употребленію. Кромѣ Гостинного двора на коневой площадкѣ, у Петра и Павла, былъ также торгъ, гдѣ продавали въ шалашихъ вареную рыбу, пироги пряженые и кисели; хозяинъ шалаша платилъ оброкъ за право торговли по 4-ре алтына. Всего въ Казанскомъ *торгу*, включая сюда Гостинный дворъ и кузницы, было 365 лавокъ оброчныхъ, 102 скамьи, 86 полокъ, 55 шалашей, 16 бочекъ квасныхъ, (платившихъ по 25 и по 15 коп.) и 19 кузницъ. Всего съ торга взималось 116 рублей, 5 алт. и 4 деньги. Кромѣ того въ Гостинномъ дворѣ было 11-ть лавокъ безоброчныхъ,—это были лавки гостей, жалованныхъ Государемъ, переведенцевъ изъ другихъ городовъ. Въ XVI столѣтіи въ то время, когда составлялись Писц. книги, Казань не получила еще значенія торгового центра, но и при Грозномъ, послѣ покоренія Астрахани, Казанскіе купцы въ числѣ купцовъ прочихъ городовъ Поволжья участвовали въ ежегодныхъ караванахъ въ Астрахань. Караваны эти состояли изъ 500 судовъ, ⁽²⁾ Казань еще раньше служила центромъ торговли мѣхами изъ Джигатая и Бухарскими

(¹) Очеркъ домаш. жизни Великор. нар. Костомарова. стр. 86-я.

(²) Очеркъ торг. Моск. Гос. въ XV и XVI в. Костомарова, стр. 105-я.

тваниями. ⁽¹⁾ Оброкъ, взимавшійся съ лавокъ, назывался *амбарчиной*, *тепловымъ* и *соровымъ* (Писц. книг. стр. 58); подъ именемъ *сорового* разумѣется плата метельщикамъ, которые обязаны были очищать Гостинный дворъ отъ сора и грязи. Кромѣ оброка лавки Казанского торга обложены были *Енальевщиной* или налогомъ въ четыре алтына въ годъ. Что это была за подать? Мы знаемъ, что въ Казани былъ въ 1532 году царемъ Джанъ-Али, нашими лѣтописями, называвшимся Яналъй, Анальй и Еналъй ⁽²⁾; это былъ одинъ изъ Касимовскихъ царевичей, правивший до назначенія его Русскимъ Правительствомъ въ Казанскіе цари, городкѣмъ Мещерскимъ; онъ царствовалъ недолго именно—онъ убитъ въ 1535 году. Не была ли эта подать установлена въ царствованіе Джанъ-Али на какія-либо особые городскіе расходы или же, можетъ быть, эта подать наложена русскими и обращена была въ пользу семейства убитаго за преданность Россіи Джанъ-Али? Изъ договорной грамоты Вел. Кн. Василія Ивановича и сына его Ивана Васильевича съ братомъ его, княземъ Юріемъ въ 1531 году, Августа 4-го ⁽³⁾ видно, что оказавшимъ Государству различные послуги татарскимъ Касимовскимъ царямъ выдавались субсидіи, называвшіяся *выходами* и *проторами* и что на этотъ предметъ взимались особыя подати не только съ жителей Московскаго, но и съ удѣльныхъ княжествъ. Это былъ обыкновенный, по тогдашнему времени, способъ выходить изъ финансовыхъ затрудненій: нужны были деньги на новый расходъ — и казна пополнялась новымъ налогомъ. У татаръ было обыкновеніе назначать известному роду положенную часть изъ общихъ податей. Напримеръ, изъ Ногайскихъ дѣлъ мы знаемъ, что Сафа-гирей домогался въ Казани доходъ, принадлежавшихъ крымскимъ саповникамъ рода Мангітъ. «Миѣ Сафа-гирею приказалъ, хотѣлъ *Мангитскіе доходы.*» ⁽¹⁰⁾ Очень можетъ быть, что Джанъ-Али,

⁽⁷⁾ Отсюда-то такое изобиліе Бухарскихъ тканей въ церковныхъ описяхъ Казани, какъ мы видѣли это выше. Тамъ-же, стр. 9-я.

⁽⁸⁾ Касим. Цари и Царевич. т. I, стр. 255-я.

⁽⁹⁾ Собр. Гос. грам. I, № 160 и 161;

⁽¹⁰⁾ Изд. Древн. Рос. Вивліоенка, VIII, 144—147.

понимая всю опасность политики Русской, назначавшей его Казапским царемъ, вопреки желанію сильной Крымской партии въ Казани, которая не обѣщала ему прочнаго положенія на престолѣ, выговорилъ себѣ и своему роду извѣстную долю въ Казанскихъ торговыхъ пошлинахъ. «Противъ города Спасскихъ воротъ на площади близко Гостины двора стояла изба таможенная съ комнатою безъ подклета, а передъ избою сѣни, да у избы же на площади важниа дощаная.» (Писц. кн. стр. 57-я) Въ этой таможнѣ *таможили* товаръ, брали съ проданнаго извѣстный процентъ въ пользу казны; въ *важниль же* стояла *вага* ⁽¹⁾ или вѣсы, на которыхъ товары вѣсили, кроме того здѣсь находились и казенные мѣры сыпучихъ и жидкихъ тѣлъ. Мы знаемъ что Грозный въ 1550 году учредилъ печатныя мѣры сыпучихъ тѣлъ; олѣ посыпались въ посады и уѣзды, гдѣ старосты обязаны были сдѣлать по такимъ моделямъ деревянныя мѣры, заплатить ихъ (заклеймать) и отослать ихъ *помѣщикамъ*, т. е. лицамъ, определеннымъ для мѣри во время продажи. Въ 1555 году по всему Государству введены Государевы рѣсы и приставлены къ нимъ *вѣсчие сторожи* и *вѣсцы*, т. е. лица, назначенные для взвѣшиванія товаровъ. ⁽²⁾ При Ioаннѣ IV даже запрещено было имѣть кому-либо свои вѣсы, хотя бы и не для продажи, но всѣ должны были ходить къ городскимъ пудовщикамъ и платить за вѣсъ *вѣсовое*. ⁽³⁾ Въ чёмъ состояло тогдашнее таможенное право? Постоянное увеличение государственныхъ потребностей требовало и увеличения финансовыхъ средствъ Россіи; эти новые потребности, по понятіямъ того времени, удовлетворялись новыми прямыми налогами,—отсюда накопленіе различныхъ податей и пошлинъ, затруднявшихъ хозяйство въ города и торговлю въ городахъ. Въ чёмъ состояли таможенные пошлины съ торговли, видно изъ таможенныхъ грамотъ.

(1) По-польски и по-малороссійски *вага*—тажесть и вѣсъ. См. Польск. Лекс. Шміда. 1845 г. и Малор. словарь при Старосв. Бандуристѣ. Закревскаго, 1860 г., стр. 272.

(2) Дополн. къ Историч. Акт. I, 39.

(3) Тамъ-же, I, 39.

До насть дошли таможенные уставы Иоанна III откупщи-камъ тамги и платна на Бѣлоозеро. ⁽¹⁾ Если городской человѣкъ купить себѣ въ лавку меду, икры, рыбы, то братъ у него съ рубля по деньгѣ; съ кади сельдей, съ пошева соли—по полуденгѣ. Съ мяса—по полуденгѣ со стяга, съ коровы, съ 20 гусей, съ 30 поросятъ, съ 10 барановъ, съ 20 зайцевъ; съ воза луку, маку, яблокъ, дегтю, золы по деньгѣ. Рядомъ съ этимъ уставомъ сохранились грамоты, данные Иоанномъ IV тоже на Бѣлоозеро. Въ сравненіи съ уставомъ, даннымъ Иоанномъ III, пошлины тамги значительно увеличены: въ грамотѣ Иоанна IV былъ прибавленъ уставъ помѣрной и дворовой пошлины. Со всякаго хлѣба и овощей бралось помѣрное, по деньгѣ съ 4-хъ четвертей проданнаго, съ хлѣба тамги не брать. Дворовая пошлина состояла въ томъ, что съ прѣхавшихъ купить на Гостиный дворъ дворники брали съ тысячи бѣлки по 4 деньги, съ постава сукна по 3 деньги, съ 7—10 пудовой кадки меда по деньгѣ, съ бочки сельдей и икры по деньгѣ, съ бочки сливъ по полуденгѣ, съ стопы бумаги по полуденгѣ. Кто прѣдетъ съ товаромъ и встанетъ не на Гостинномъ дворѣ, то вѣмѣстникъ беретъ съ хозяина дома и съ куница по полтинѣ, да приставъ—хоженаго 4-ре деньги. Если кто остановится съ товаромъ на Гостинномъ дворѣ, съ того берутъ амбарную пошлину за постой тогда только, если онъ останется съ товаромъ болѣе одного дня и если у него товару больше двухъ рублей; если кто не поѣдетъ на Гостинный дворь, того ставить на дворь насильно. ⁽²⁾ Вотъ обращикъ тѣхъ таможенныхъ пошлинъ которыя взимались въ царствованіе Грознаго. Какъ увеличивались пошлины, видно изъ указа Алексея Михайловича 30 Апрѣля, 1654 года. Кроме указанныхъ пошлинъ на Гостинныхъ дворахъ въ XVII столѣтіи брали множество пошлинъ, напримѣръ, за рыбный складки въ лавки и въ погреба, съ раздѣлки бочекъ, съ мытья рыбы, съ рыбныхъ бочекъ и т. п. ⁽³⁾ Таможенными избами завѣдавали

⁽¹⁾ Акт. Арх. Эксп. I, № 134.

⁽²⁾ Ист. Рос. Соловьева, ч. VII, стр. 34 и 35.

⁽³⁾ Опытъ повѣств. о Древн. Рос. Успенскаго, ч. II, стр. 615-я.

выборные граждане, присяжные или цѣловальники. Въ 1566 году, былъ Государевымъ таможникомъ въ Казани Матвѣй Таракановъ. Таможникамъ вмѣнялось въ обязанность стараться о приращеніи дохода казны и добросовѣстно оцѣнять товаръ, состояніе и достатокъ купца, «по торгомъ и по промысломъ и... по Государеву крестному цѣлованью.» (Писцовая книга.. стр. 57-я). «Какой, говорить Котошихинъ, ⁽¹⁾ гость или торговый человѣкъ, будучи въ головствѣ въ таможнѣ, годъ передъ годомъ казны собираетъ больши, за тое службу огъ Царя бываетъ похвала, бываетъ жалованье по кубку или по ковшу серебряному; а кто предъ старыми годами собираетъ меньши, и ту прибыль, которая была бы... берутъ съ нихъ самихъ; да сверхъ того бываетъ наказаніе кнутомъ.» Вотъ какъ тяжела была въ древней Руси таможенная служба.

Спасская улица XVI вѣка имѣла 10 дворовъ на своей правой сторонѣ, по лѣвой—15. (Писц. книга. 37, 38). Переулкомъ или скорѣе поворотомъ направо Спасская улица соединялась съ Воскресенской улицей, которая тогда шла, кажется, немного правѣе, чѣмъ въ настоящее время. Это доказывается тѣмъ, что на самой срединѣ нынѣшней Воскресенской улицы, противъ дома Полицейского управлениія при недавнемъ прокладываніи водопроводныхъ трубъ открыто было много гробовъ; слѣдовательно на этомъ мѣстѣ былъ церковный монастырь или ограда, гдѣ погребали умершихъ. Церковь Воскресенія Христова, по показанію Пестрикова, ⁽²⁾ каменная, выстроена въ XVIII вѣкѣ (1734), а при ней Церковь Происхожденія Честныхъ Древъ въ XVII вѣкѣ (1671). Въ Писцовой книгѣ нѣть описанія этой церкви, но нѣть никакого сомнѣнія, что Церковь Воскресенія существовала въ это время въ Казани. Въ Писцовой книгѣ мы читаемъ: «дворы посадскихъ людей прежнія ихъ посадскія мѣста у Воскресенія Христова, къ Спасскимъ острожнѣмъ воротамъ.» (стр. 41.) Мы увидимъ ниже, что острожныя Спасскія ворота лежали около нынѣшняго Университета. У Воскресенской Церкви былъ погребенъ одинъ изъ Казанскихъ мучениковъ, новокре-

¹⁾ Котоших., стр. 716-я.

²⁾ Опытъ Каз. Ист. Рычкова. 1767 г., стр. 179-я.

щенный татаринъ Петръ, котораго, по удаленіи изъ Казаніи Шигалея, убили его родственники за то, что онъ не хотѣлъ отречься отъ недавно принятаго имъ христіанства. Это описано въ членитной митрополитомъ Гермогеномъ патріарху Іову ⁽¹⁾, въ ней сказано: «и положенъ Петръ новокрещенъ на мѣстѣ, идѣже иныи стоять храмъ Св. Воскресенія на житномъ торгу.» Такимъ образомъ на концѣ Воскресенской улицы былъ въ XVI вѣкѣ, именно въ 1592 году (годъ написанія членитной), хлѣбный рынокъ.

Спасская улица переулкомъ, который шелъ отъ Спасскихъ воротъ влѣво, сообщалась съ обеими Погаными озерками—Верхнимъ и Нижнимъ. Тамъ, гдѣ Спасская улица совпадала съ Воскресенской, почва возвышалась и отъ этого возвышения шли вправо два переулка—одинъ къ Петропавловской Церкви, а другой къ Гостиному двору; они имѣли по 7-ми дворовъ на сторонѣ. Около Петропавловской церкви (тогда деревянной) была ограда или монастырь; съ монастыря вправо къ Кремлю шла улица, въ которой было до 30 дворовъ. Отъ Петропавловской же церкви шла другая небольшая улица внизъ къ Проломнымъ воротамъ; улица эта (или переулокъ) имѣла посерединѣ поворотъ обратно къ той же церкви направо. Отъ переулка эта улица продолжалась по направленію къ Проломнымъ воротамъ, подходила къ острогу и шла паралельно острожной стѣнѣ, шедшей, какъ мы уже знаемъ, къ этимъ воротамъ съ Арскаго поля, отъ Ногайскихъ воротъ. Отъ Проломныхъ воротъ къ Церкви-Николы Боровскаго ⁽²⁾ шла большая улица (Проломная?), имѣвшая на правой сторонѣ (къ Булаку) 10-ть дворовъ, а и на другой 14-ть. Позади этой улицы по направленію къ Гостиному двору и къ той же Церкви шла небольшая улица, имѣвшая 9 дворовъ. Отъ Николы-Боровскаго къ мясному ряду шла улица, имѣвшая по обѣ стороны 16-ть

(1) Сборн. Любар., стр. 72-я. Ср. Ист. о Каз. Цар., стран. 183-я.

(2) Церковь Николы-Боровскаго не была ли построена атаманомъ Никитой Боровскимъ, о которомъ говорить Писц. вѣкъ на стр. 9-й?

дворовъ. Позади Николы—Гостина между Петрапавловскою церковью и Гостинымъ дворомъ лежалъ Щекушинь переулокъ. Въ этихъ улицахъ, лежавшихъ между Николою Гостинымъ и Петрапавловскою Церковью въ различныхъ мѣстахъ стояли дома архіепископскихъ людей, а именно—въ переулкѣ отъ Воскресенской улицы къ Петрапавловской церкви 7 дворовъ и за мяснымъ и рыбнымъ рядами въ Тупикѣ 4-ре двора. (Писц. кн. стр. 37 и 38-я) Этимъ показаніемъ Писцов. книги поясняется мѣсто въ грамотѣ Царя Ивана Васильевича Свят. Гурю отъ 13-го Августа 1555 года: «да ему архіепископу дано мѣсто на посадѣ у Николы Чудотворца за торгомъ къ Петру Святому на его дворовые люди.»⁽¹⁾ Это мѣсто изъ грамоты составляло предметъ ошибокъ многихъ изслѣдователей Казани, которые подъ именемъ Церкви Св. Петра думали видѣть Церковь Московскихъ Чудотворцевъ⁽²⁾, не подозрѣвая о существованіи Петрапавловской Церкви въ XVI вѣкѣ, въ Казани. Писцовая книга рѣшаетъ недоумѣніе.

Междуди Гостинымъ дворомъ и Церковью Николы—Гостина шелъ также переулокъ, имѣвшій 13-ть дворовъ. Отъ этой же церкви къ городу, паралельно Проломной улицѣ шла улица *Псковская*, населенная большею частию псковскими переводенцами. Эта улица соединялась съ Проломною переулкомъ, который шелъ къ церкви Николы—Ляпунова и потомъ съ башнею, которая шла къ Булаку, гдѣ стояли бани, какъ мы говорили выше. Церковь Николы—Ляпунова съ приданымъ Зосимы и Савватія, стояла рядомъ съ другою церковью Косьмы и Даміана. При этой церкви въ XVIII вѣкѣ былъ Дѣвичій монастырь и въ немъ, кромѣ церкви Николы—Ляпунова, была церковь Иліи Пророка.⁽³⁾ Не былъ ли строитель Никольской Церкви тотъ самый атаманъ Ляпунъ Филимоновъ, о которомъ говорится у Щербатова⁽⁴⁾, который въ 1557 г. былъ посланъ Ioапномъ IV на Волгу, на защиту Ногайскихъ улусовъ отъ воровъ?

(1) Акт. Истор. т. I, стр. 299-я.

(2) Казанскія Губ. Вѣд. 1844 г. Историч. Очерки Казани. №№ 33—46-й.

(3) Оп. Ист. Казани. Рычк., стр. 180.

(4) Щерб. стр. 166.

скихъ казаковъ, чо вскорѣ этими послѣдними быль измѣннически убить? Отмстить за него привелось Даниилѣ Хохлову, изъ Казани. Церковь Николы-Липунова имѣла при себѣ въ XVI вѣкѣ, богадѣльню, которая стояла на томъ самомъ мѣстѣ, на горѣ, гдѣ нынѣ стоитъ Ивановскій монастырь. (¹) Отъ этой богадѣльни шла внизъ улица, имѣвшая по 8-ми дворовъ на обѣихъ сторонахъ. Между церквами Николы-Боровскаго и Николы-Липунова быль переулокъ; отъ Николы-Боровскаго шла улица по направлению къ Булаку, къ банѣ, къ Кураишевскимъ воротамъ. Бани, какъ мы знаемъ, стояли на Булакѣ, Кураишевскіи ворота лежали за Булакомъ въ осторожной стѣнѣ. По краю Булака также тянулась улица и на этой улицѣ были двѣ бани и пивоварня. Одна изъ этихъ бани называлась верхняя и къ этой-то бани и шла банная улица. Пивоварни (три) стояли на устьѣ Булака. Другая банная улица шла ближе къ Кремлю, къ этой-то банной улицѣ шла улица съ горы отъ Псковской ул. (Писц. кн. стр. 36 и 39). Проломная улица не шла такъ прямо, какъ нынѣ. Вотъ по видимому ея направленіе. Изъ крѣпостныхъ Никольскихъ воротъ шла дорога горою, эта дорога пересѣкалась другою, другою, пролегавшею внизъ также изъ Кремля чрезъ Преображенскія ворота. Дорога изъ Никольскихъ воротъ выходила въ улицу, которая шла около паперти Николо-Липуновской церкви и поворачивая влѣво, изгибомъ доходила до Николы-Боровскаго, а потомъ шла къ Проломнымъ воротамъ. Эта кривая улица и была нынѣшняя Проломная. На Проломную улицу выходила отъ Булака Пушкарская улица, которая тянулась вверхъ, начиная отъ нынѣшняго втораго Булакскаго моста. Пушкарская улица давала вправо вѣтвь— Вологодскую улицу. Подъ горой у Преображенскихъ во-

(¹) Объ Ивановскомъ монастырѣ въ Писцовой книгѣ не упоминается, хотя этотъ монастырь, по своей архитектурѣ, носить на себѣ слѣды древняго происхожденія. Три стиля Ивановскаго монастыря напоминаютъ Москов. церковь Рождества Пресв. Богородицы въ Путинкахъ, относящуюся къ началу XVII столѣтія. См. Рус. Старину въ памятникахъ и проч. г. 3-й, изд. 2. стр. 257-я.

роть была еще улица на Булакъ—Преображенская или пивоваренная. За Булакомъ, перейхавши мостъ, лежала улица, имѣвшая на обѣихъ сторонахъ 40 дворовъ. Не доходя до моста, (если мы не ошибаемся) стояла Церковь Ярославскихъ Чудотворцевъ. Она была ружная; попу жаловалъ годовая руги 3 рубля, да хлѣба 6 четв. и овса въ большую мѣру, пудъ соли, пономарю полтина и т. д. (Писц. кн., стр. 40-я).⁽¹⁾ Въ улицѣ, тянущейся по правому берегу Булаку, около бани стоялъ 41-ій дворъ. Между ними былъ дворъ Свѧтскаго Богородицкаго монастыря архимандрита. По рѣкѣ Казанкѣ отъ устья Булака противъ кремлевскихъ Воскресенскихъ воротъ стояло на односторонкѣ восемь дворовъ; они тянулись отъ устья Булака къ мельницѣ, привадлежавшей Архиепископу. (стр. 40 и 47-я).

Перейдя за Булакскій мостъ отъ Пушкарской улицы, стояла слобода Архиепископская. «За Булакомъ, говорить Писцовая книга, въ острогѣ, перейхавъ Булацкій мостъ противъ Пушкарскіе улицы слобода архиепископля.» (Стр. 47-я). Эта слобода тянулась паралельно Булаку къ Успенской Церкви, у ограды которой стоялъ домъ Архиепископскаго боярина Застолбскаго; въ ней было 47-ій дворовъ. «Да архиепископли же слобода подъ острога, позади его слободы, улица, мѣста порожня отъ острожныхъ Кураишевскихъ воротъ по Ямскія острожныя ворота даны подъ дворы архиепископлихъ дворовыхъ людей, которые сведены съ большаго посаду и тѣхъ еще дворовъ не ставили.» (стр. 47-я). Въ грамотѣ Грознаго, данной Свят. Гурю 1555 года, 13 Августа, говорится, что «архиепископу дана слобода за булакомъ на Кураишевъ, отъ острогу върхъ по Булаку на сто дворовъ крестьянскихъ.»⁽²⁾ Ясно, что здѣсь разумѣется записанная писцами въ 1566 году Архиепископская слобода; что касается до прибавки земли къ этой слободѣ позади ея для пере-

(1) Пестриковъ упоминаетъ обѣ этой церкви, но, по обыкновенію, не означаетъ, за Булакомъ или на правомъ его берегу она стояла. См. Опытъ Каз. Ист. Рычкова, стр. 181.

(2) Актъ Истор. т. I. № 162, стр. 299-я.

селения на новое место тѣхъ архіепископскихъ людей, которые выстроили себѣ дома на Посадѣ, то это сдѣлано было, вѣроятно, вслѣдствіе новаго царскаго указа, который намъ неизвѣстенъ. Это распоряженіе нельзя смѣшивать съ распоряженіемъ объ отводѣ земли подъ архіепископскіе огороды, о которомъ мы говорили выше (стр. 36). Сначала архіеп. владѣлъ участкомъ отъ острога подъ Татарскимъ кладбищемъ, въ подгорье, вверхъ по Булаку противъ *Кураишева*.⁽¹⁾ Но эти мѣста заняты были по распоряженію мѣстнаго начальства, подъ посадъ и обнесены новомъ острогомъ, а на мѣсто ихъ дана была земля подъ огороды за Булакомъ, за старымъ острогомъ. При этомъ необходимо сдѣлать замѣчаніе, что текстъ грамоты и текстъ Писцовой книги, въ которыхъ говорить объ одной и той же Архіепископской слободѣ подаютъ по воду къ весьма интересному вопросу. По Писцовой книжѣ 1566 года, слобода Архіепископская значится внутри города, вокругъ нея существуетъ острожная стѣна съ двумя воротами; но по грамотѣ этого не видно; для слободы напротивъ назначено мѣсто *отъ острогу вверхъ по Булаку*. Входила ли и когда вошла Забулачная часть г. Казани въ черту крѣпостной или острожной ограды?

Оставивъ на время описание расположения улицъ въ юго-восточной сторонѣ Казани XVI вѣка, попытаемся решить весьма важный во многихъ отношеніяхъ вопросъ: шла ли татарская Казань 1552 года какъ крѣость и какъ городъ за Булакъ?⁽²⁾ Планы Казани 1552 года, Фонъ-Каница и проф. Суровцева проводятъ Казанскую татарскую крѣпостную ограду далеко къ западу такъ, что она захватываетъ Булакъ⁽³⁾ во всемъ его среднемъ течении. Но Устриловъ, помѣстивъ планъ Казани 1552 г.,

— (1) Тамъ же, стр. 299-я.

(2) Мы здѣсь разумѣемъ городъ въ двухъ его значеніяхъ: а) въ смыслѣ укрѣпленнаго мѣста и б) въ смыслѣ населенной территории.

— (3) Мы говорили уже о планѣ Фонъ-Каница. Что же касается до плана профессора Гр. Ст. Суровцова, то онъ приложенъ къ № XXIX, VI ч. Военно-Литер. журн. Славянинъ 1828 г. стр. 74—86.

составленный, Фоль-Каницемъ при своемъ изданіи «Сказа-
ний Курбскаго», измѣнилъ его, проведя зашадную сто-
рону татарской крѣпости исключительно по правому бе-
регу Булака. Съ этимъ согласенъ и г. Лаптевъ. Сколько
помнится, г. Ласковскій въ своемъ замѣчательномъ и об-
ширномъ труда «Опытъ Исторіи инженерного искусства
въ Россіи» (изд. 1838 г.) придерживается этого же взгля-
да.⁽¹⁾ На чьей сторонѣ правда?

Я думаю, что едвали можетъ быть какое-нибудь сом-
нѣніе въ томъ, что татарская Казань имѣла поселенія
или слободы за Булакомъ. Уже одно то, что Царствен-
ная книга ставитъ Царскій лагерь на Царевомъ лугу, близъ
Отучевой мизити, т. е. мечети, которая съ своей стороны
предполагаетъ вокругъ нея приходъ или поселеніе, не
оставляетъ сомнѣнія въ существованіи до 1552 года во-
кругъ Казани форштадтовъ или предмѣстій за Булакомъ.
Отучева мечеть, вѣроятно, обязана была постройкой од-
ному изъ сторонниковъ Шигалея, Ченкуну Мурзѣ Оту-

(1) Къ сожалѣнію, мы не имѣемъ подъ руками этого
сочиненія, которое вышло изъ продажи. Въ этомъ слу-
чаѣ мы испытали на себѣ тоже, что доводится испыты-
вать каждому, кто предпринимаетъ какой-либо трудъ по
исторіи, живя въ провинціи и не имѣя подъ рукой богатыхъ
столичныхъ книгохранилищъ. Не важно ли было бы также
для пониманія древней Казани видѣть рисунки Царст-
венной книги? Но подробное знакомство съ рисунками
Царств. книги возможно только для жителя Москвы, въ
Патріаршей Ризницѣ которой хранится эта рукопись. Въ
послѣднее время Г. Прохоровъ началъ издавать нѣкото-
рые рисунки изъ Царственной книги; но эти рисунки, вы-
бираемые имъ съ специальною цѣлью изучить древнія
одежды, оружія и т. п., не могли привести никакой пользы
нашему изданію. Покойникъ Яковлевъ въ рисункахъ въ
Описанію нашихъ старинныхъ знаменъ помѣстилъ изъ
Царств. книги рисунокъ штурма Казани 1552 г. Намъ по-
казался рисунокъ этотъ весьма неправдоподобнымъ, ясно
видно, что онъ составленъ не очевидцемъ осады Казани,
а просто иконописцемъ мастеромъ, привыкшимъ къ греко-
ческимъ образцамъ иконныхъ аксессуаровъ.

чеву, о которомъ говоритъ Царственная книга (стр. 122-я и 263-я). Писцовая книга указываетъ эту мечеть около Кураишевскихъ воротъ. (Писц. кн. стран. 50-я). Кромѣ того свою мысль о заселеніи Забулачья предмѣстями въ XVI вѣкѣ, мы основываемъ на наблюденіи, что вообще татары любили и доселѣ любятъ окружать свои укрѣпленные города рядомъ предмѣстій. Это показали намъ опыты недавшихъ нашихъ войнъ съ среднеазіатскими народами. Когда нашимъ войскамъ приходилось брать крѣпости въ Туркестанѣ, Бухарѣ, Хивѣ и Кокандѣ, то прежде чѣмъ добраться до города или крѣпости, имъ приходилось занимать обшираяя предмѣстія. Эти предмѣстія могли бы служить прекрасными передовыми укрѣпленіями и будь подогадливѣе узбеки, начальники этихъ крѣпостей, нашимъ войскамъ трудно было бы осаждать или штурмовать такія крѣпости, но средне-азіаты очень слабо ихъ защищали или вовсе бросали. Къ этому нужно присо-купить, что татары и до сихъ поръ любятъ проводить лѣто виѣ города въ предмѣстяхъ или просто на поляхъ: у нихъ еще не истребились привычки кочевой жизни. Въ Писцовой книгѣ есть любопытная и характеристическая замѣтка (стр. 53-я). Мы позволяемъ себѣ выписать это мѣсто Писцовой книги. «Да за Булакомъ на Кабанѣ-озерѣ слобода татарская, а въ слободѣ прикащики дѣти боярскіе, Казанскіе жильцы Артемей Староѣмко—всего 4 двора, да дворъ пустъ, что былъ прикащикомъ же Григорья Феофилова, 150-тъ дворовъ татарскихъ и чувашскихъ, а лѣтомъ много стоятъ дворы порожни, а сказали прикащики Артемій Староѣмко съ товарищами, да татаринъ Галикинъ съ товарищи, что *въ тѣ татарскіе дворы татарове и чуваша прѣзжаютъ жить зимою или въ заворошю* (во время бурнаго времени) *и тогда-де ихъ живутъ въ одномъ дворѣ семейство по 10-ти*, а въ иномъ дворѣ и больше 10-ти семейств.» Въ XV и XVI столѣтіяхъ въ лѣтнее время ежегодно Царевъ лугъ, т. е. мѣстность отъ Казани до Волги и Арское поле покрывались шатрами; сюда выѣзжали изъ Казани жить на вольномъ воздухѣ и веселиться самъ Царь Казанскій, его вельможи и подданные. Сообразно съ этимъ нужно предположить существованіе поселеній за Булакомъ, наполненныхъ съѣстными лавками, харчевнями и кабаками, ра-

зумѣется, подъ болѣе приличнымъ именемъ, чтобы оно не рѣзalo слишкомъ строго-благочестивое магометанское ухо. (1) Очень не рѣдко, когда татары такимъ образомъ прохлаждались, русскіе падали имъ, какъ снѣгъ на голову, и ихъ жестоко побивали. При этомт не обходилось безъ курьёзовъ.

Въ 1508 году, когда Казанскій Царь съ татарами, выѣхавши изъ Казани, наставили шатровъ около города и, по выражению Глазатова, «всѣ мужи и жены съ дѣтьми гуляли вмѣсть съ Царемъ, покупая за деньги въ корчмницахъ пьянку и прохлаждаясь» внезапно войска русскія, какъ съ небеси, спали на Казанцевъ и изъ нихъ однихъ побили, а другихъ взяли въ полонъ, остальные же татары убѣжали кто въ городъ, а кто въ лѣсъ. (2) Отъ множества бѣжавшихъ въ Казани сдѣлалась великая тѣснота (на сабанъ или на гулянъ были окрестные жители) и еслибы русскія простояли въ надлежащемъ порядкѣ хотя бы три дня подъ городомъ, то татарамъ ничего бы не осталось, какъ только сдать Казань русскимъ. Сначала русскіе и ихъ воеводы дѣйствительно удерживались отъ пьянства, хотя они и захватили у татаръ много и сѣбѣстнаго, и хмѣльнаго, но искусъ былъ слишкомъ тяжель, они его не выдержали и какъ выражаетъ свое прискорбіе Глазатовъ, «Охъ увы! по соблазну дьявольскому, накинулись на пьянку, напивались ее и спали, какъ мертвые, до полуночи.» Въ слѣдствіе такого веселаго времяпрепровожденія счастіе оборотилось къ нимъ спиною. Среди бѣлаго дня татары вышли изъ крѣпости и напали на русскія войска и «по-

(1) Русскіе впрочемъ не церемонились называть вещь ея именемъ. Въ Царств. книгѣ есть замѣтка (стр. 117): «Воеводы Великаго князя, князь Семенъ съ товарищи, пришедъ къ городу Казани, людей Казанскихъ многихъ побили и кабаки Царевы пожгли.»

(2) Ист. о Каз. Цар., стр. 49. Подъ именемъ пьянки разумѣется какой-либо хмѣльной напитокъ, напр. брага съ хмѣлемъ или даже дурманомъ; можетъ быть, кумышка или кумысъ или что-нибудь въ этомъ родѣ. Ибнъ-Фоцланъ говоритъ о существованіи хмѣльнаго напитка въ родѣ пива, между народами, населявшими тогдашнюю Россію.

Фль мечъ множество незрѣлыхъ колосьевъ. восклицаетъ Глазатовъ, Арское поле и Царевъ лугъ отъ крови русской побагровѣли, а Волга, Булакъ, Казанка и Кабанъ наполнились трупами.»⁽¹⁾ Это было уже въ то время, когда Казань неистово тревожили русскіе. Можно себѣ представить, что было тогда, когда Казань стояла грозною крѣпостью и скопищемъ безстрашныхъ азіатскихъ разбойниковъ, когда все трепетало Казанцевъ въ цѣгра-ничныхъ областяхъ русскихъ, когда тысячи шлѣнныхъ русскихъ приводились почти ежемѣсячно на Казанскій невольничій рынокъ такъ, что Казань для Россіи была второю Хивою? Разумѣется, тогда посады или предмѣстія распространялись широко около Казани. Но въ XVI в. времена перемѣнились. Изъ разрозненныхъ удѣльныхъ княжествъ мало по малу сплотилось сильное Московское Государство, русскіе воеводы узнали дорогу въ Казань, а наши войска представляли такую огромную и грозную массу, которой подъ силу было бороться и не съ одной татарской ордой. И вотъ со стороны Казанцевъ начинается рядъ мѣръ къ укрѣплению Казани; чуя великую опасность, они изъ всѣхъ силъ стараются приспособить го-родъ къ долговременной защите. Въ 1530 году царь Казанскій Сафа-гирей, прослушавъ о походѣ Русскихъ на Казань «посла во всѣ улисы Казанскіе по Кази и по Мурзы, вела имъ въ Казань собиралися и подъ Бу-лака сѣсти, и согна въ Казань ближнюю Черемису и по-вель имъ дѣлати острогъ около посаду и по Арскому полю, и отъ Булака, и до Казанки рѣки и по острогу рвы копати, да въ немъ сидеть Черемиса съ прибылыми людьми, яко да граду помощь будетъ.»⁽²⁾ Изъ этого из-вѣстія мы можемъ вывести заключеніе, что Казань въ это время приняла часть своихъ предмѣстій, именно—Забулачье, вокругъ котораго было сдѣлано передовое укрѣпленіе, чтобы дать мѣсто прибывшимъ на помощь Казани князьямъ и мурзамъ съ своими отрядами и Черемисамъ. Эти мало обстрѣленныя войска Казанцы расположили въ передовыхъ Забулачныхъ укрѣпленіяхъ, потеря

(1) Тамъ-же, стр. 50—51-я.

(2) Тамъ-же, стр. 67-я.

которыхъ для осажденныхъ не была особенно важна, но могла затянуть осаду, что было особенно важно для татаръ,—руssкіе всегда недолго оставались подъ Казанью. Причиною этого былъ составъ нашихъ войскъ, компактавшихся изъ земства, на время войны, и скучавшихъ долговременной осадой, а равно несовершенство нашихъ осадныхъ средствъ, трудность содержать въ теченіи долгаго времени массу войскъ. Въ нашемъ предположеніи о передовомъ укрѣплѣніи за Булакомъ еще болѣе убѣждадутъ насъ два эпизода, рассказанные Глазатовымъ; эти эпизоды такъ правдоподобны, что имъ вѣрится невольно. При осадѣ Казани въ 1530 году десять человѣкъ молодыхъ людей изъ русскаго лагеря ночью пробрались ползкомъ къ стѣнамъ Казанскаго острога и зажгли ихъ; въ городѣ и въ предмѣстіяхъ сдѣлался страшный переполохъ, потому что осада велась неправильно, русскіе лишь держали городъ въ блокадѣ, отбивая татарскія вылазки, что давало возможность татарамъ на ночь выѣзжать изъ Казани въ свои станы. Пользуясь суматохою, русскіе войска вошли въ Казань, взяли острогъ и пожгли посады. Это было Іюня 16-го, 1530 года. Что въ это время былъ около Забулачья острогъ, доказывается слѣдующимъ. Одинъ татарскій батырь, по прозвищу *Аталькъ*⁽¹⁾, отличался необыкновенною физическою силою и смѣлостью; онъ много дѣлалъ вреда русскимъ во время вылазокъ. Когда русскіе ночью нападали на передовое укрѣплѣніе, онъ спалъ пьяный на своемъ дворѣ, въ шатрѣ. При тревогѣ и пожарѣ Аталькъ вскочилъ и, не отыскавъ въ суматохѣ панциря, шлема и меча, въ одной рубашкѣ выскакалъ въ острожныя ворота вместо того, чтобы прямо скакать въ городъ; и понесъ его изъ острога къ Булаку конь и, какъ крылатый, перескочилъ рѣку, при чёмъ Аталькъ упалъ съ коня и взятъ былъ въ пленъ русскими⁽²⁾. Соображенія всѣ

(1) Название «Аталькъ» есть имя нарицательное. Оно употреблялось во многихъ странахъ Азии, а равно и въ Крыму. Слово *Аталькъ* имѣть два значенія: во 1-хъ, оно означаетъ «дядьку дѣтей Государевыхъ»; во 2-хъ, званіе высшаго Государственного чиновника (какъ это и до сихъ поръ ведется въ Бухарѣ).

(2) Ист: о Каз. Царствѣ, стр. 70, примѣч. 96-е.

обстоятельства похода, мы приходимъ къ тому заключенію, что Атамыкъ во время тревоги находился за Булакомъ въ передовомъ укрѣплениі, откуда и дѣлалъ съ своимъ отрядомъ вылазки въ русскій лагерь, который находился недалеко отъ Волги.⁽¹⁾ Когда русскіе подожгли острогъ, Атамыкъ думалъ чрезъ внутренній мостъ на Булакѣ доскакатъ до 2-й ограды за Булакомъ, онъ вскочилъ на лошадь, которая понесла его въ поле: по онъ поворотилъ коя къ Булаку, надѣясь добраться до Арскихъ воротъ, и вотъ при переправѣ чрезъ Булакъ онъ спасъ съ коня и пошелъ въ плѣнъ къ русскимъ. Такимъ образомъ этотъ эпизодъ изъ осады Казани въ 1530 году доказываетъ наше предположеніе о существованіи за Булакомъ особой стѣны и писатель Казанской Исторіи своимъ разсказомъ подтверждаетъ извѣстіе о поставленіи стѣны около посада, подъ которымъ онъ, очевидно разумѣеть предмѣстье,ничѣмъ дотолѣ неогражденное и стоявшее за Булакомъ, по лѣвому берегу этой рѣчки.⁽²⁾ Мы вовсе не желаемъ слѣпо довѣрять писателю Казан. Исторіи, но разсказываемые имъ два эпизода изъ Казанской осады 1530 г.: зажженіе русскими охотниками деревянной татарской крѣпости и взятие въ плѣнъ Атамыка, такъ правдоподобны, такъ часто аналогически повторяются въ войнахъ, начиная съ самыхъ древнихъ временъ до недавняго взятія Гуниба нашими войсками и только-что сообщеннаго телеграммами молодецкаго подвига нашихъ охотниковъ, забравшихся подъ Карсомъ на турецкое укрѣпленіе и заклепавшихъ непрія-

⁽¹⁾ Лѣтописи наши не упоминаютъ, что наши войска заняли позицію на Арскомъ полѣ. Никоновская лѣтопись (ч. III, стр. 381—382), Воскресенская (Полн. Собр. Рус. Лѣт. т. VIII, стр. 273-я), Лѣточ. Нормантскаго (Времен. 1850 г. V, стр. 24) одинаково говорятъ, что татары бились съ русскими нѣсколько верстъ вверхъ по Волгѣ, и были прогнаны ими, затѣмъ русскіе перевезлись за Волгу, встали передъ Казанью, взяли у татаръ острогъ и вачали стрѣлять по городу Казани; послѣ бомбадировки татары запросили мира.

⁽²⁾ Ист. о Каз. Цар., стр. 66, пр. 66-е.

тельские орудія. Нельзя отрицать, что у писателя Казанской Исторіи часто события перемѣшаны въ хронологическомъ порядке, но что касается до отдѣльныхъ разсказовъ, то эти рассказы такъ естественны, что имъ невольно вѣрится. Напримеръ, рассказъ о поголовномъ пленствѣ русскихъ подъ Казавью и побоищахъ татарами, только что переданный нами, такъ наивенъ, такъ полонъ и правды, что нельзя ему и не вѣрить. Какъ сравнить его съ рассказами нашихъ официальныхъ лѣтописей, напримѣръ, съ замѣткой Царственной книги, что русские въ эту осаду многіе кабаки у Царя Казанского побрали и только? Арицыбашевъ,⁽¹⁾ помѣщая въ своей Исторіи разсказъ объ Аталаѣ, указываетъ на то, что писатель Казанской Исторіи былъ взятъ въ пленъ Казанцами чрезъ два года послѣ этого события, слѣдовательно могъ писать объ обстоятельствахъ осады по свѣжимъ разсказамъ.

Другія наши лѣтописи подтверждаютъ наше соображеніе о существованіи за Булакомъ укрѣпленія въ 1530-мъ году. Въ Воскресенской лѣтописи мы читаемъ⁽²⁾: «Божію милостію князя великаго воеводы (1530 г.) цара ихъ (Казанцевъ) побили, острогъ у нихъ по Булаку взяша и многихъ людей Казанскихъ побиша и иныхъ живыхъ перенесшиа (переловили). также и въ острогъ многихъ татаръ и женъ ихъ, и дѣтей, и Черемисы безчисленно побиша... а царь не вомнозъ утече во градъ.» Этотъ разсказъ повторяютъ на различные лады и прочія лѣтописи⁽³⁾ Нѣкоторые лѣтописцы говорятъ буквально тоже, что говорить въ Воскресенской лѣтописи (папр. Никоновская), другія говорить, что русскіе взяли острогъ *большой* у Казанцевъ (Лѣтоп. Нормантскаго), третыи, что русскіе подступили подъ городъ и многихъ татаръ подъ городомъ побили. (Лѣтоп. Рус.) Очевидно, лѣтописцы смысливаютъ понятие о городѣ, объ острогѣ и о посадахъ. Изъ историче-

⁽¹⁾ Повѣст. о Россіи. 1838 г. т. II, стр. 112. примѣч. 717-е.

⁽²⁾ Полное, Собр. рус. лѣтоп., т. VIII. стр. 278.

⁽³⁾ См. Рус. лѣт. (Львова) т. III, стр. 381 и 382; Никон. VI, 236; Лѣт. Нормантскаго. (Временникъ Т. V), стр. 24.

скихъ очерковъ Костомарова⁽¹⁾ видно, что въ понятіяхъ людей XVI вѣка еще не установилось ясное и опредѣленное понятіе обѣ этихъ названіяхъ. Слово *городъ* употреблялось, то въ смыслѣ укрѣпленія, то въ смыслѣ господствующаго мѣста въ извѣстномъ краѣ, *посадомъ* называлось поселеніе вокругъ укрѣпленнаго мѣста, которое въ свою очередь дѣлилось на двѣ части: па острогъ и *посадъ*. Это были чисто-славянскія понятія о поселеніяхъ: и теперь въ городахъ народовъ славянскихъ подъ турецкимъ игомъ также троичность: *градъ* *варошъ* (острогъ) и *пазанка* (посадъ). По Писц. книга мы видимъ уже опредѣленное раздѣленіе Казани на городъ или кремль и посадъ, обнесенный острогомъ. Наши лѣтописцы 1530 года, описывая осаду Казани въ этомъ году, смѣшиваютъ названія, называя часто татарской крѣпости свои понятія обѣ устройствѣ городовъ. Мы знаемъ, что въ Казанской крѣпости не было кремля, а былъ, можетъ быть, обнесенный оградой, но неприспособленный къ защите *Царевъ* или ханскій *дворъ*; но его никакъ нельзя было называть кремлемъ или городомъ въ смыслѣ Писц. книги.⁽²⁾ Послѣ этихъ объясненій становится ясно, что подъ острогомъ подъ Булака нужно разумѣть укрѣпленное Забулачье. Вообще у насъ *кажется придаютъ* слишкомъ много значенія оборонительной роли Булака въ древней татарской крѣпости. По Писцовой книгѣ мы видимъ, что Булакъ былъ непроходимъ лишь при своемъ устьѣ (Гнилой Булакъ); на всѣмъ же оставшемъ протяженіи онъ не представлялъ большихъ препятствій къ

(¹) Очерки жиз. и нрав. Велик. нар. въ XVI и XVII стол., стр. 7—9.

(²) Курб. I, 21. Точно также и Царств. книга, упомянутая на стр. 201, что въ Мартѣ 1552 г. воеводы ваши, отступая отъ Казани, «посаду не жгли» и на стр. 299 при описаніи плана штурма 2-го Октября 1552 г. замѣчая, что Князю Владиміру Андреевичу приказано стать противъ Царскихъ воротъ *на посадъ отъ кладбища*, очевидно, разумѣть предмѣстія или слободы подъ Казанью, истребленныя заранѣе татарами, а не посадъ въ смыслѣ Писц. книги.

переходу. Едва-ли Булакъ не былъ приспособленъ къ переходу вбродъ татарами. Старожилы рассказываютъ, что при очищении Булака въ началѣ вышняго столѣтія открыть былъ въ ложѣ его, подъ слоемъ тины, толстый дубовый полъ очень старый.

Наконецъ если мы предположимъ, что острога за Булакомъ не существовало, что русскіе перешли Булакъ и взяли ту часть города Казани, которая тянется между Воскресенской ул. и Булакомъ, почему они не взяли весь городъ, когда заняли самую возвышенную часть его? Мы говорили, что ключъ къ Казани былъ на Арскомъ полѣ, но это только потому, что съ этой стороны Казани легче было ее взять, она была доступнѣе. Объ Арскомъ полѣ не было бы и рѣчи, если бы можно было занять всю западную часть Казани съ первого же раза. Весьма странно, что русскіе въ 1530 году, взявши почти половину города, стрѣляли вѣсколько дней по городу, пока не принудили татаръ просить мира. Между тѣмъ вѣроятнѣе будетъ ходъ осады, если мы предположимъ что русскіе, взивши передовое укрѣпленіе за Булакомъ, встрѣтили вторую ограду, которая шла по правому берегу Булака, и начали бомбардировать городъ чрезъ Булакъ.

Далѣе при описаніи похода русскихъ въ 1550 г., подъ предводительствомъ Царя Иоанна IV, встрѣчается намекъ на существованіе острога за Булакомъ. Царственная книга (¹), разсказывая объ осадѣ города Казани въ этомъ году, говоритъ, что Государь велѣлъ наряду большому стоять на устьѣ Булака противъ города, а другому противъ города у Поганаго Озера. Казанская стѣна, какъ мы знаемъ изъ Писцовой книги, въ XVI вѣкѣ шла отъ Тюменскихъ воротъ къ Булаку: слѣдовательно на устьѣ Булака образовалось небольшое пространство такъ, что поставленная здѣсь артиллерія могла дѣйствовать во флангъ передовому укрѣпленію и въ тоже время обстрѣливать городъ. Такимъ образомъ и это выраженіе Царственной книги заставляетъ насъ предполагать существованіе въ Казани въ 1550 году особаго передового укрѣпленія. Еслибы его не существовало, то артиллерійскія орудія

(¹) Царст. кн., стр. 157-я.

прямо могли бы быть поставлены по Булаку вверхъ отъ устья его, какъ это было сдѣлано въ 1552-мъ году. При осадѣ Казани къ 1552 года, мы видимъ, что передоваго укрѣпленія за Булакомъ уже не существуетъ. При самомъ началѣ осады Сторожевой Полкъ получаетъ приказаніе «ставить туры по Булаку вверхъ отъ Казани рѣки», по ясно выраженному свидѣтельству Царственной книги. (¹) «И пошли воеводы (продолжаемъ вѣнциску) противъ пятницы въ ночи и туры поставили далъ *Богъ безъ бою здорово.*» Татары не думаютъ препятствовать дѣйствіямъ осаждающихъ около западной стороны Казанской крѣпости,—дѣло измѣнилось, теперь они не предвидятъ никакой опасности себѣ въ этой сторонѣ Казани. На самомъ дѣлѣ, когда за Булакомъ существовало передовое укрѣпленіе, тогда имъ нужно было заботиться о защищѣ укрѣпленія. Съ этой стороны нападали русскіе на Казань и отсюда дѣлали татары вылазки на станъ осаждающихъ, здѣсь стояли ихъ лучшіе предводители, а иногда и самъ царь,—теперь мы ничего этого не видимъ. Отсюда всего естественнѣе сдѣлать заключеніе, что предъ послѣднею Казанскою осадой 1552 года татары, пріискивая всѣ мѣры, чтобы защитить свое разбойничье гнѣздо, рѣшились уничтожить крѣпостную ограду около предметія за Булакомъ. Это было сдѣлано въ видахъ сокращенія линіи обороны, а съ другой стороны въ тѣхъ видахъ, чтобы сдѣлать западную ограду Казани, еще менѣе доступною непріятельской атакѣ. Мы говорили, что къ Булаку горные склоны Казанской возвышенности или очень круто, особенно къ сѣверо-западу, что дѣлало весьма мало доступною линію крѣпостной стѣны въ этомъ мѣстѣ. Кроме того эту сторону защищала рѣчка Булакъ,—она затрудняла подступъ къ подошвѣ крѣпостныхъ стѣнъ. Въ то время, когда русскіе совершили бы переправу чрезъ Булакъ, ихъ можно было бы усиленно поражать со стѣнъ крѣпости. Сверхъ того гора была настолько возвышена, что господствовала надъ обеими берегами Булака и затрудняла всѣ попытки непріятеля укрѣпиться на лѣвомъ берегу Булака. Понимая недоступность Казанской

(¹) Царств. книга, стр. 269-я.

стѣны отъ Булака, русскіе въ 1552 году тотчасъ измѣнили свою тактику. Они, какъ-будто, не обращаютъ вниманія на западную сторону крѣпости, между тѣмъ какъ осадная дѣятельность около Казани 1552 года кинуть въ двухъ мѣстахъ западной части контравалаціонной линіи. Во-первыхъ, при устьѣ Булака, куда въ первый же день осады перебрались казаки и засѣли здѣсь, *закопавшись во рвѣ*, какъ говорить Царственная книга,—они не давали татарамъ дѣлать вылазокъ изъ крѣпости и заняли, кромѣ того, каменное зданіе «Даирову башню», которая въ послѣдствіи времени, именно во время подкона подъ Муралеевской тайникъ, сослужила имъ важную службу.⁽¹⁾ Во-вторыхъ, осадная дѣятельность въ 1552 году происходитъ тайно отъ осаждающихъ на правомъ концѣ этой же западной линіи, въ томъ мѣстѣ, гдѣ крѣпостная стѣна татарской Казани отступала отъ Булака, по мѣрѣ направления Казанского горнаго возвышенія отъ запада къ югу и къ юго-востоку. Булакъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ нынѣ стоятъ церкви Николо-Вешниковская и Вознесенская, дѣлалъ изгибъ и кривою линіею доходилъ до Кабана. Эта излучина виѣтнею своею стороной отклонялась къ Волгѣ и замѣтна даже въ настоящее время, несмотря на то, что берега Булака выровнены. Здѣсь осаждающіе начали вести длинный подкопъ подъ угловую башню между Атальковыми и Тюменскими воротами. Угловая башня, вѣроятно, находилась тамъ, гдѣ крѣпостная стѣна дѣлала при своемъ поворотѣ отъ Булака исходящій уголъ. Вотъ всѣ наши соображенія относительно того, простиралась ли татарская Казанская крѣпость за Булакъ. Необходимо различать два вопроса: 1) простиралась ли татарская Казань за Булакъ и 2) шла ли татарская крѣпость за Булакъ? Нѣтъ никакого сомнѣнія, что Казань въ XVI столѣтіи до взятія ея русскими простиралась за Булакъ, и вокругъ Забулачья сдѣлана была попытка устроить крѣпостную ограду или передовое укрѣпленіе. Но эта попытка воздвигнуть передовое укрѣпленіе за Булакомъ тотчасъ же оказалась несостоятельной: въ 1530 году русскіе заняли скорѣе и удобнѣе всего именно это укрѣпленіе и

(1) Царств. кн., стр. 269 и 284-я.

направивъ его пушки и пиццали на городъ, обстрѣливали его съ такимъ успѣхомъ, что татарамъ не оставалось ничего, какъ просить мира. Въ 1552 году, въ рѣшительную минуту, когда Казани угрожала страшная опасность отъ русскихъ, татары бросили совершенно мысль о передовомъ укрѣплѣніи,—оно было уничтожено, равно и посадъ за Булакомъ и татары ограничились одною оборонительной линіею по правому берегу Булака. Взявши Казань, русскіе спачала заняли и укрѣпили только небольшую часть Забулачья, какъ мы видѣли изъ Царской грамоты къ Архиеп. Гурію, а потомъ восстановили предѣлы укрѣплѣнія за Булакомъ съ томъ самомъ видѣ, какъ они были у татаръ до 1552 года; вмѣстѣ съ этимъ острожная стѣна по правому берегу Булака была уничтожена и сидѣла съ острогомъ Забулачья. Измѣнить линію острожной стѣны въ тогдашнее время, когда стѣнамъ строились деревянныи, было очень легко; мы видѣли выше, что острожная стѣна па юго-западѣ Казани была быстро расширена съ тою цѣлію, чтобы поселить здѣсь переведенцевъ изъ другихъ городовъ. На первый разъ на лѣвомъ берегу Булака прежде всѣхъ были поселены ямищики. «За Булакомъ въ острогѣ, показано въ Писцовой книжѣ (стр. 41), слобода Ямская, а въ слободѣ Церковь Успеніе Пресвятой Богородицы, да въ придѣлѣ церковь Фроль и Лаверь; поставленье и все церковное строеніе мирское. Дворы ямскихъ охотниковъ отъ Архиепискупии слободы подлѣ Иванова двора Долгова. И всего въ Ямской слободѣ охотничихъ 62 (двора) и съ тѣмъ, что дано мѣсто дворъ поставить, а людей 63 человѣка и тѣмъ, ямскіе слободы охотники съ Казанскими посадскими людьми на въ какіе дѣла не тянутъ ни во чѣто, а служать Государеву службу Ямскую, держать подводы изъ прогоновъ по тому же въ верховскихъ городахъ во всѣхъ ямскихъ слободахъ.» (т. е. какъ это дѣлается въ верховыхъ старинныхъ русскихъ городахъ) Учрежденіе ямовъ или ямскихъ слободъ, въ Московской Руси нельзѧ не считать одною изъ благоразумныхъ административныхъ мѣръ. Подвигаясь на востокъ, русскіе вездѣ заводили почтовую гоньбу, чѣмъ обеспечивали правильныя сношенія съ вновь присоединенными землями. ⁽¹⁾ О Ямскомъ Приказѣ упоми-

⁽¹⁾ Опыт. пов. о дрѣви. рус. Успенского. Ч. II, стр. 606.

нается уже въ разрядныхъ книгахъ за 1516 годъ. Въ началѣ XVII столѣтія мы имѣли уже правильно устроенную систему почтовой гоньбы, въ 1628 и 1629 при Бояришѣ Ямскаго Приказа, знаменитомъ патріотѣ. Димитрій Михайловичъ Пожарскомъ были введены правила почтовой гоньбы по подорожнымъ, при немъ же сочиненъ уставъ, которымъ опредѣлено, сколько какой чинъ отъ Митрополита до Игумена, отъ Боярина до Подъячаго и отъ гости до цѣловальника имѣть право брать лошадей. (1) Намъ остается сказать еще нѣсколько словъ о расположении улицъ въ сѣверо-восточной части Казани. Отчасти мы уже говорили объ этомъ на стр. 58—61-й нашихъ Очерковъ, когда дѣло шло о Стрѣлцкихъ слободахъ. Въ томъ мѣстѣ, гдѣ нынѣ идутъ Воздвиженская и Покровская улицы, въ Казани XVI в. были улицы большая Воздвиженская и большая Арская: последняя оканчивалась близъ нынѣшней Почтовой конторы Арскими воротами. Отъ Арскихъ воротъ къ Спасскимъ и къ нынѣшней Воскресенской улицѣ тянулась около острожной стѣны улица, преимущественно населенная стрѣльцами, отъ нея вправо шло нѣсколько переулковъ и между ними одинъ къ Прѣзжеву двору, Треховъ переулокъ и переулокъ къ Бѣлому Озеру. Отъ Бѣлаго Озера шли переулки къ Большой Арской улицѣ и къ Поганому Озеру. Къ Поганому Озеру шелъ также переулокъ отъ Воздвиженской Церкви. Отъ Арскихъ воротъ влѣво около острога также шла улица. Отъ Воздвиженской церкви вверхъ къ Дмитріевскимъ воротамъ по нагорью шла Дмитріевская улица. Арская улица переулкомъ влѣво сообщалась съ Тульскою улицею (которая имѣла до 60 дворовъ). Тульская улица шла къ Тульскимъ воротамъ; отъ Тульскихъ воротъ по направлению къ городу эта улица давала отъ себя переулокъ къ Щельскимъ воротамъ влѣво. Съ Щелюдомы шли въ переулокъ направо, вѣроятно, тамъ, гдѣ нынѣ односторонка позади Казанскаго Богородицкаго монастыря. Здѣсь было нѣсколько малыхъ улицъ. Арская и Тульская улицы соединялись также пѣсколькими переулками.

(1) См. Древ. Рос. Вивлію., ч. XV, стр. 413-я.

Запись домовъ и перечисленіе улицъ и переулковъ въ Писцовой книгѣ сдѣланы такъ сбивчиво (стрн. 44—46), что трудно въ этой части Казани XVI вѣка восстановить древній планъ мѣстности. Дворы считаются взадъ и впередъ по одной и той же улицѣ; иногда писецъ проходитъ по улицѣ нѣсколько разъ, когда нужно перечислить стрѣлецкіе дворы, лежащіе между посадскими дворами. Переулкамъ большею частію не дается названій, а просто пишется переулокъ вправо, если писецъ идетъ отъ начала улицы къ ея концу, около воротъ острога, но тотъ же переулокъ будетъ переулкомъ влево, если писецъ записываетъ число домовъ, идя назадъ по той же улицѣ отъ острожныхъ воротъ. Намъ кажется, что мы не ошибемся, если примемъ во вниманіе современный планъ этой части Казани, который по своему существу, весьма сходенъ съ стариннымъ ея планомъ. Главная и второстепенные улицы въ Казани остались все тѣ же, только эти улицы выровнялись, нѣкоторая доля старинныхъ малыхъ переулковъ вошла въ дворы и сады прилежащихъ къ нимъ домовъ. Большое измѣреніе въ этой мѣстности произвела постройка въ XVI вѣкѣ Богородицкаго монастыря, обнесенного обширною оградой, которая захватила внутрь монастыря большую часть прилежащихъ къ Тульской улицѣ переулковъ. Засыпкина улица образовалась, конечно, послѣ уничтоженія острога или деревянной стѣны вокругъ Казани при Артеміи Петровичѣ Волынскомъ, который былъ губернаторомъ Казани съ Января мѣсяца 1725 года по Декабрь 1730 года. (1) Слобода эта стоитъ на томъ мѣстѣ, где долженъ быть находиться крѣпостной ровъ. Очень можетъ быть, что и въ XVII в. стояли около Казанки, на мѣстѣ Засыпкиной улицы, хижины жителей восточнаго предмѣстія, заливаемаго ежегодно разливомъ Казанки. Самое название Засыпкиной улицы показываетъ, что она выстроена на засыпанномъ мѣстѣ, т. е. на мѣстѣ засыпанаго рва. Мѣстность около Пятницкой церкви называлась Гелдковыми слободами. (2)

(1) Отеч. Зап. за 1860 годъ № 2, стран. 499 и 518
статья Шишкина: Біографія, А. П. Волынского.

(2) Опытъ Казан. Ист. Рябкова, стр. 177.

Мы выше видѣли (стр. 61), что въ XVI вѣкѣ была въ Казани сотня Елизара Гладкова. Елизаръ Гладковъ, какъ значится въ Писц. книгѣ, (стр. 78-я), былъ посланъ съ своею сотнею на житье въ Астрахань.

Наконецъ намъ нужно указать, гдѣ шла острожная стѣна около Казанского посада и гдѣ въ ней были ворота. При исчислѣніи воротъ въ русской Казани XVI в. попытаемся разобрать, какимъ воротамъ они соотвѣтствовали въ древней татарской крѣпости. Вотъ что написано въ Казанской Писцовой книгѣ 1566 года о деревянной стѣнѣ вокругъ Казани. «Въ Казани же около Казанскаго всего посада крѣпости отъ города Казани выше Воскресенскихъ воротъ отъ нижняго Поганаго озерка горою и по Арскому полю, мимо Стараго Городища и до Булака до Большого, да по-за Большому Булаку до Гнилова Булака ставленъ острогъ по крѣпостямъ, по горамъ и по заразамъ⁽¹⁾ а гдѣ острогъ безъ крѣпостей⁽²⁾ и по равному мѣсту, въ тѣхъ мѣстѣхъ по-за острогу рвы невеликіе копаны подлѣ острога, а у острога ворота съ башнями, а иныя башни на острогѣ безъ воротъ, а въ башняхъ во всѣхъ на воротахъ и по острогу сторожа въ день и ночь, а на сторожахъ отъ воеводы дѣти боярскіе, да отъ стрѣлецкихъ головъ стрѣльцы и въ которомъ мѣстѣ у острога ворота острожные съ башнями и на острогѣ башни безъ воротъ и въ которой башни сколько на сторожѣ людей и наряду и то всеписано порознь». (стр. 42). Такимъ образомъ Писцовъ, кн. поясняетъ свидѣтельства современниковъ не только о предполагаемомъ направлѣніи Казанскихъ стѣнъ, но и о рвѣ, бывшемъ вокругъ татарской крѣпости. Писатель о Каз. Цар. разсказываетъ, что Сафа-гирей въ 1430 году, ожидая осады Казани русскими воеводами, на-нялъ черемису окопать вокругъ города отъ Булака до Казанки рѣки, по за острогу рвы.⁽³⁾ Тоже подтверждаетъ Курбскій; «отъ тое рѣки (Булака) около города ровъ ко-

(1) Зараза—яръ или ущелье. Церковь Андреевская на Заразахъ. Рус. Стар. въ памятн. г. VI. 1860 г. стр. 3-я.

(2) Крѣпость—искусственный или природный валъ или обрывъ, откосъ около подошвы стѣны.

(3) Ист. о Каз. цар., стр. 67, шир. 76-е.

панъ, въло глубокій, ажъ до езерка, реченнаго Поганаго, еже лежить подъ самую Казанку.»⁽¹⁾ Писцовая книга объясняетъ, что рвы шли только въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ стѣна города шла не по горамъ, а по ровному мѣсту и рвы эти были небольшіе; слѣдов. глубокій татарскій ровъ чрезъ 13-ть лѣтъ по взятіи Казани почти уничтожился или обрушился, по крайней мѣрѣ этому рву уже не придавали большаго значенія. Чрезъ этотъ ровъ въ татарской Казани были мосты, о горѣліи которыхъ около Царевыхъ, Аталыковыхъ и Ногайскихъ воротъ говорится въ Царственной книгѣ.⁽²⁾ Очевидно, эти мосты находились передъ воротами. На эти мосты при вылазкахъ русскіе втачивали татаръ и били ихъ на самыхъ мостахъ.⁽³⁾ Глубина татарскихъ рвовъ доходила до 7-ми сажень, а ширина до трехъ сажень.⁽⁴⁾

Русская крѣпость или деревянный острогъ около Казанского посада шла по слѣдующему направлению. Начиналась съ сѣвера немногого выше Воскресенскихъ воротъ, она шла къ юго-востоку чрезъ Тезицкій оврагъ около Пятницкой церкви къ теплой церкви Казанскаго Богородицкаго монастыря и отсюда поворачивала на юго-востокъ къ Арскимъ воротамъ, т. е. къ мѣстности между Почтамтомъ и Покровскою Церковію, гдѣ нужно предполагать эти ворота; отъ Арскихъ воротъ стѣна шла къ Спасскимъ воротамъ, лежавшимъ около нынѣшняго Университета. Здѣсь крѣпость круто поворачивала внизъ къ Проломнымъ воротамъ, потомъ около Николо-Вешняковской Церкви переходила за Булакъ, гдѣ, обогнувши Преображенскую, архиепископскую и ямскую слободы, окончывалась около Гнилаго Булака. Такимъ образомъ Казань имѣла два укрѣпленія: одно внутреннее или Кремль, который ограничивался одною Кремлевскою горою, другое вѣшнее или острогъ вокругъ посада. Это послѣднее укрѣпленіе, примыкая къ сѣверо-восточной сторонѣ Кремлевской стѣны, шло вокругъ всего посада, захватывая За-

⁽¹⁾ Курб, стр. 21.

⁽²⁾ Царств. кн., стр. 296.

⁽³⁾ Тамъ-же, стр. 272-я.

⁽⁴⁾ Тамъ-же, стр. 292.

булачье и окончивалось около устья Булака. Устье Булака русские точно такъ-же, какъ и татары, не находили нужнымъ укрѣплять, да едва-ли это и было нужно, за невозможностью съ одной стороны непріятелю перейти Булакъ въ этомъ мѣстѣ, а съ другой стороны построить какое-либо укрѣпленіе въ этомъ углу. Деревянные стѣны, которыми ограждена была часть Кремля и весь посадъ,—состояли изъ бревенчатыхъ срубовъ, наполненныхъ землею и камнями. Стѣны эти составлялись изъ двухъ продольныхъ стѣнъ—лицевой и внутренней, связанныхъ между собою въ извѣстныхъ мѣстахъ поперечными, неглухими стѣнками, которые располагались на высотѣ стѣны въ шахматномъ порядке; 40 звѣньевъ деревянной крѣпостной стѣны соотвѣтствовали 300 саженямъ. Казанская татарская стѣна сдѣлана была изъ большахъ дубовыхъ деревьевъ, а внутри срубовъ насыпаны были камни, иль и хрищъ (рѣчной песокъ).⁽¹⁾ На вершинахъ этихъ стѣнъ у наружного края располагалась тонкая деревянная стѣнка, которая, подобно частоколу на земляныхъ валахъ, служила прикрытиемъ для обороняющихся, находившихся на вершинѣ стѣнъ и способствовала имъ съ большимъ удобствомъ поражать метательнымъ оружіемъ аттакующаго непріятеля. Стѣны, какъ мы видѣли, имѣли башни и ворота. Башни въ древнихъ деревянныхъ укрѣпленіяхъ состояли изъ четырехъ-угольныхъ деревянныхъ же срубовъ, возвышавшихся на вѣсколько аршинъ надъ стѣнами. Затѣмъ довольно узкія ворота продолжались въ нижней части башенъ, а сверху въ надворотной части башни устраивался особый этажъ съ узкими продолговатыми окнами для пищалей. Башни накрывались довольно крутыми крышами на четыре ската. Не смотря на свою удобовоспламенимость, деревянныя стѣны въ XVI вѣкѣ представляли надежную ограду для осажденныхъ; потому что профиль стѣнъ былъ чрезвычайно крутъ и чтобы взобраться на верхъ стѣны, необходимы были лѣстницы, а чтобы приставить лѣстницы къ стѣнѣ, нужно было достигнуть ея подошвы, что чрезвычайно было трудно для осаждающихъ, если только обороняющиеся во время успѣли занять вер-

⁽¹⁾ Ист. о Каз. Цар., стр. 68 прим. 78-е; стр. 231-я.

шину стѣнъ и имѣли въ готовности всѣ средства обороны: каменья, раскаленный песокъ, горячую воду, кипящее масло, сѣру, смолу, которыми осыпали и обливали осаждающихъ.

Перечислимъ по порядку Писцовой книги (стр. 49—52) ворота Казанской деревянной вѣниевой ограды.

I. Вишие Воскресенскихъ (Муралеевыхъ) городовыхъ воротъ противъ Нижнаго Ногашаго Озерка, близь Церкви Николы Зарайскаго (Пятницкой церкви), стояли *первыя* отъ Кремля ворота: на воротахъ была башня съ карауломъ, состоявшимъ изъ четырехъ стрѣльцовъ съ рушницами, подъ начальствомъ боярскаго сына.

II. Рядомъ еще были ворота, такъ называемыя *на щели* или *въ оврагъ*, *потайные къ р. Казанкѣ*: около воротъ башня на углу крѣпостной стѣны съ такимъ числомъ караульныхъ.

III. *Тульскія* ворота противъ Старого Городища: на воротахъ башня и оять тоже число караульныхъ. Противъ Старого же Городища *у бол. въ долу* была на острогѣ караульная башня безъ воротъ. Она лежала на срединѣ между Арскими и Тульскими воротами и отстояла, по всей вѣроятности, на 280-ть шаговъ отъ Тульскихъ воротъ и на подобное же разстояніе отъ Арскихъ⁽¹⁾, иначе— на дальность полета стрѣлы. Въ башнѣ былъ бой или амбразуры для орудій, вѣроятно, обстрѣливавшихъ подступы къ стѣнѣ. Самая башня, можетъ быть стояла на исходящемъ углу острожной стѣны, и можетъ быть, защищала лежащую вокругъ ея низменность. Вотъ и вся восточная линія Казанской русской стѣны. Попытаемся решить, какимъ воротамъ татарской крѣпости соответствуютъ только-что названныя нами ворота. Лѣтописныя сказанія указываютъ на существованіе въ татарской Ка-

(1) Необходимо предположить, что стѣна вокругъ Казани не захватывала мѣстности нынѣшней Поповой горы и Косаткиной улицы, иначе вышелъ бы здѣсь очень длинный фасъ стѣны между воротами; пространство между воротами здѣсь не соответствовало бы обыкновенному пространству между другими воротами Казанской крѣпости.

занской крѣпости съ этой стороны четырехъ ворогъ: Кайбацкихъ, Элбугинихъ, Збойливыхъ и Муралеевыхъ. Мы уже знаемъ, гдѣ были Збойливыя и Муралеевы ворота, а именно—Збойливыя ворота были кремлевскія Димитріевскія ворота, а Муралеевы кремлевскія же Воскресенскія. Збойливыя ворота въ 1566 году не входили въ вѣнчаную крѣпостную ограду, а во внутреннюю, тогда какъ въ татарской крѣпости, которая не имѣла цитадели или кремля, они были во вѣнчаней крѣпостной оградѣ. Чтобы опредѣлить положеніе остальныхъ двухъ ворогъ, мы должны обратиться къ исторіи осады Казани въ 1552 году. Нигдѣ такъ ясно и точно не описанъ весь ходъ этой осады, какъ въ Царственій книгѣ: ея записи можно назвать современнымъ *шапцевымъ журналомъ*, онѣ вѣдуть день за день съ большою точностью и подробностью. По описанію Царств. книги мы видимъ, что 20 Августа Государь въ своемъ Совѣтѣ дѣлає распоряженіе «стать Правой Рукѣ за Казанкою, да казакамъ многимъ, а Сторожевому Полку на усть Булака, а Лѣвой Рукѣ выше его.» Въ тоже время дано приказаніе приготовить въ полкахъ по турѣ на каждыхъ 10-ть человѣкъ и по бревну для тына на человѣка. (¹) 23-го Августа двинулись мимо Казани на Арское поле наши отряды: впереди Эртоуль, за нимъ Передовой и Большой Полки; отряды эти достигли Арского поля лишь послѣ упорного боя съ татарами. Полки, о которыхъ сказано

(¹) Цар. ви., стр. 273. Туръ - бездонный цилиндръ, составленный изъ кольевъ, оплетенныхъ хворостомъ; средней величины туръ имѣлъ 8 фут. высоты и 6 фут. въ диаметрѣ. Туры наполнялись землею и употреблялись, какъ и нынѣ, для осадныхъ батарей; въ особыя мѣста между турами ставились еще малыя туры, собственно для прикрытия лафета. По несовершенству тогдашней артиллеріи туры эти доставляли значительное прикрытие орудіямъ и артиллерійской прислугѣ. Подъ названіемъ *тына* или *частокола* разумѣли тогда заборъ или прикрытие изъ поставленныхъ перпендикулярно бревенъ; ими старались прикрыть рабочихъ и войска отъ прицѣльного дѣйствія непріятельскихъ спаридовъ.

было 20 Августа, пошли възвѣ и заняли свои мѣста по Булаку и за Казанкой. Въ теченіи всего слѣдующаго дня Сторожевой Полкъ и Лѣвая Рука укрѣпились по Булаку. 25-го Августа люди Эртоула пошли за Казанку, спустившись горою съ Арскаго поля, и заняли мѣста съ восточной стороны города, примкнувъ правымъ флангомъ къ войскамъ Правой Руки, а лѣвымъ къ Передовому полку. Такимъ образомъ въ концѣ Августа съ сѣверо-восточной стороны Казани стояли: на устьѣ Булака Сторожевой Полкъ, подъ начальствомъ князей Вас. Сем. Серебрянаго и Сем. Вас. Шереметева, рядомъ по ту сторону Казанки—Правая Рука, подъ начальствомъ княз. Петра Мих. Щепнатева и Андрея Мих. Курбскаго; по лѣвую сторону Правой Руки занять позицію Эртоуль, подъ начальствомъ князей Юрия Шемякина и Феодора Троерукова. 28-го Августа всѣ эти войска ставили туры, начиная отъ Передового Полка, т. е. отъ Арскаго поля, по всей линіи до Булака, Казанцы ихъ не беспокоили. Затѣмъ въ диспозиціи войскъ при штурмѣ 2 Октября 1552 года, помѣщенной на стр. 299—300 Царственной книги, съ полною опредѣлленностью указаны части войскъ, пред назначенія для штурмованія тѣхъ или другихъ воротъ, съ именами ихъ предводителей. *Кабацкія* ворота назначено было штурмовать Передовому Полку, подъ начальствомъ князя Ив. Ив. Провскаго. *Збойниы* ворота долженъ былъ штурмовать Эртоуль князя Феодора Троерукаго, а резервомъ служить ему часть войскъ Эртоула, подъ начальствомъ князя Юрия Шемякина. *Элбутины* ворота штурмовалъ второй воевода Правой Руки, князь Андрей Михайлович Курбскій, авторъ описаній Казанской осады: резервная колонна этого отряда была подъ начальствомъ Князя Петр. Мих. Щепнатева. Здѣсь во время штурма произошла слѣдующая боевая сцена, по рассказу Курбскаго. (¹) Его отряду приказано было штурмовать самыя нижнія ворота отъ Казанки; отрядъ, ввѣренный ему, былъ численностью до 12,000. Устроивъ отрядъ, Курбскій на разсвѣтѣ пошелъ къ Казанской крѣпости по направлению къ великой башни, стоявшей около воротъ. Съ

(¹) Курб., стр. 35, 40, 41-я.

начала штурма татары вовсе не показывались на вершинѣ стѣнъ, къ которымъ шелъ Курбскій; но когда войска Курбского подошли къ стѣнѣ на довольно близкое разстояніе, татары начали стрѣлять со стѣнъ изъ пушекъ и луковъ и бросать тучи каменьевъ. По достижениіи штурмующей колонной Курбского подошвы татарскихъ стѣнъ, на нихъ полился со стѣпъ варъ и посыпалась бревна. Однако русскіе успѣли сбить татаръ, стоявшихъ безъ прикрытия на стѣнахъ и на башняхъ, стрѣлами и ружейными выстрѣлами. Особенно помогали штурмовой колоннѣ Курбского пушки осадныхъ батарей, стоявшихъ по Казанкѣ. Вообще же съ этой стороны штурмъ сначала не имѣлъ большаго успѣха, русскіе должны были остановиться и отойти отъ стѣнъ, благодаря трусамъ, выѣбывающимъ при началѣ штурма изъ строя, притворившимся мертвыми или возвратившимся въ лагерь. Наконецъ войска колонны Курбского, взобравшись на стѣну, сбили венцикеля и преслѣдовали татаръ, побѣжавшихъ на гору къ Цареву двору. Между тѣмъ съ другихъ сторонъ приступъ къ Казанской крѣпости сопровождался сначала полнымъ успѣхомъ. Не прошло одного часа (¹), какъ уже татары были отбиты отъ юго-западной стороны крѣпости и отступили къ Цареву двору. Затѣмъ не могли выдержать въ Царевомъ дворѣ нападенія русскихъ войскъ, татары устремились изъ Царскаго двора къ тѣмъ воротамъ, которыи занялъ отрядъ Курбского. Здесь разыгрался послѣдній финаль штурма. Татары взошли на башню, ведя съ собою царя Эдигера, и подали знакъ, что они хотятъ вступить въ переговоры. Все замолкло. «Когда у насъ былъ городъ» закричали татары, «и столица, гдѣ былъ Царскій престоль, мы до смерти боролись за царя и свою землю. Нынѣ царя нашего выдаемъ вамъ, ведите его къ своему царю. А остатокъ нась выходить на широкое поле испити съ вами послѣднюю чашу!» Потому они выдали Эдигера и съ нимъ Карака и двухъ Имилдашей. (²) Затѣмъ татары попыта-

(¹) Соф. Врем. II, стр. 419.

(²) *Имилдаши* означаютъ приближенныхъ или сверстниковъ лицъ Царственнаго дома, молочныхъ братьевъ; а *Караки*—бики главныхъ дворянскихъ родовъ въ Крыму.

лись пробиться въ Элбугины ворота, но въ это время русскій отрядъ Курбскаго былъ усиленъ резервомъ, и не смотря на свои усилия, татары попали невозможность пробиться въ ворота.—они начали перелѣзать чрезъ стѣну, съ намѣреніемъ перебраться чрезъ Казанку и, пользуясь отверстіями въ нашихъ шанцахъ или амбразурами въ осадныхъ батареяхъ, перебраться чрезъ нашу линію. Имъ удалось перейти Казанку нѣсколько ниже, гдѣ былъ бродъ. За Казанкою они вступили въ упорную битву съ русскими и большую частью погибли: остатокъ ихъ, не-ребравшиесь чрезъ болото, около слободы Гришки, спасся въ лѣсъ. Судя по описанію Курбскаго, Элбугины ворота были тѣ самыя ворота, которыми показаны въ Нисцовой книжѣ первыми огнь Кремля. Мѣстность воротъ сходится съ разсказомъ Курбскаго,—они стояли выше Муралесовыхъ воротъ, но ниже вершины Кремлевской горы, гдѣ стоялъ Царскій дворъ, куда бѣжали татары послѣ того, какъ стѣна была взита русскими. Эти ворота находились противъ Пятницкой церкви и Нижнаго Ноганаго Озера, по всей видимости, недалеко отъ того мѣста, гдѣ пытѣ стоять угловая кремлевская каменная башня, у водяныхъ мельницъ на Казанкѣ.

Что же касается до Кайбацкихъ или Кабацкихъ воротъ, то эти ворота штурмованы были 2-го Октября 1552 года Передовымъ Полкомъ, который при осадѣ занималъ линію отъ Арскаго поля до самой рѣки Казанки. По Царственной книжѣ.⁽¹⁾ 29-го Августа войска наши ставили туры противъ города за Казанкой по берегу ея. Поставивши туры, Правая Рука осталась сторожить ихъ, а Эртоулъ стала на Арскомъ Полѣ противъ Татаръ, выѣждавшихъ изъ лѣса и готовившихся къ нападенію. Съ Эртоуломъ вмѣстѣ стояли въ этотъ день на Арскомъ полѣ, противъ непріятеля, часть Передоваго и Большаго полковъ, занимавшихъ юго-восточную осадную (контравалаціонную) линію между тѣмъ, какъ часть этихъ двухъ полковъ ставила туры отъ Арскаго поля къ Казанкѣ, противъ Кабацкихъ и Збойливыхъ воротъ. Татары нась не беспокоили: они не дѣлали нападенія ни изъ лѣсовъ на Арскомъ полѣ

(1) Царств. кн., стр. 179-я.

ни на одномъ изъ концовъ той части нашей контравалационной линіи, гдѣ ставились туры, т. е. ни отъ Элбусинихъ, ни изъ Крымскихъ воротъ, какъ замѣчаетъ Царственная книга. Такимъ образомъ Кайбацкія ворота какъ разъ должны были стоять въ томъ мѣстѣ, гдѣ татарская крѣость, отходя отъ Казанки, поворачивала на югъ и шла круто по обрывамъ горы къ Арскому воротамъ. Это и есть Тульскія ворота Писцовой книги, стоявшія, какъ мы выше сказали, около теплой церкви Казанского Богородицкаго монастыря, (которая, по преданию, и есть Никола-Тульскій,) лицомъ къ Феодоровскому монастырю, около Тюремнаго замка. Церковь Николы-Тульскаго та самая Церковь, при которой въ домѣ стрѣльца Данилы Онушина явилась въ послѣдствіи икона Казанскія Божіей Матери. Правда въ Писцовой книгѣ (стр. 46) упоминаются и Кабацкія ворота: «да направо съ *большіе улицы*, въ переулокъ къ Кабацкимъ воротамъ 7 дворовъ»; по это мѣсто такъ темпо, что рѣшительно не возбуждаетъ въ умѣ читателя никакого представленія относительно описываемой мѣстности. Очевидно, здѣсь описывается мѣстность около Николы-Тульскаго, подъ именемъ же Большой улицы разумѣется улица большая Вознесенская, по счету идеть взадъ и впередъ. Такимъ образомъ подъ именемъ Кабацкихъ воротъ разумѣются тѣ же Тульскія ворота, переименованная русскими изъ Кабацкихъ въ Тульскія, какъ Мурзинская—въ Воскресенскія. Что особыхъ Кабацкихъ воротъ не существовало въ Казанской острожной стѣнѣ, это показываетъ подробная опись воротъ въ Писцовой книгѣ. (стр. 49-я).

IV. «Ворота острожныя Арскія, отъ Арскаго поля, противъ татарскаго таможеннаго двора»; это былъ таможенный дворъ для татаръ, которыхъ не выпускали въ городъ. Ворота эти знамениты въ исторіи осады Казани тѣмъ, что отъ этихъ воротъ шла главная атака крѣости. Ворота лежали въ концѣ Покровской улицы, которая называлась еще въ прошломъ въкъ Арскою, а церковь Покровская Церковью Покрова Пресв. Богородицы на Арской улицѣ. (¹) На Арскихъ воротахъ въ XVI в., по Писц.

(¹) Опытъ Каз. Исторія. Рычкова, стр. 179 и 183-я.

книгъ, столла команда стрѣльцовъ изъ 10 человѣкъ, подъ начальствомъ боярскаго сына, находилось 5-ть пищалей затинныхъ, да 10-ть стрѣлецкихъ рушницъ. У воротъ была караульня.

V. Ворота *Спасскія*, лежавшія на концѣ нынѣшней Воскресенской улицы. Нельзя никакъ думать, чтобы рядомъ съ Воскресенской улицей шла Спасская улица. Въ описаніи той части города, гдѣ находится Воскресенская Церковь, недалеко отъ которой шла острожная стѣна и около этой стѣны жили стрѣльцы прибора Хохлова, вовсе не упоминается въ Писцовой книгѣ о Спасской улицѣ (стр. 41 и 42). Можно только заключить, что эта улица соединилась съ Воскресенской на половинномъ разстояніи отъ Кремля до острожной стѣны, переулкомъ. Спасскія ворота должны быть тѣ *Царевы ворота*, о которыхъ много разъ упоминается въ Царственной книгѣ⁽¹⁾, у Курбскаго и въ другихъ лѣтоисчислѣніяхъ. Въ Царственной книгѣ эти ворота всегда сопоставляются рядомъ съ Атальковыми, Ногайскими и Арскими. Мы даже полагаемъ, что именно на томъ мѣстѣ, гдѣ стояли Спасскія ворота, въ острожной стѣнѣ былъ сдѣланъ второй подкопъ. О подкопѣ этомъ ничего не говорится въ Царственной книгѣ, хотя въ диспозиціи штурма и есть на это намекъ. «А воеводамъ Государь велѣлъ приступати, како же дасть Богъ взорвать подкопъ изъ башни и въ проломъ пойти по времени, какъ Государь приказалъ князю Мих. Иван. Воротынскому, да окольничему Алекс. Данилов. Басманову. ⁽²⁾ А въ другой проломъ за Атальковыми вороты велѣлъ отъ князя Михаила же Казначею Ивану, Фомѣ Петровичу и помогати имъ Царю Великому Князю своимъ полкомъ». ⁽³⁾ Въ какомъ состояніи находилась юго-восточная часть Казанской крѣпости къ концу осады 1552 года? Здѣсь дѣйствуетъ умный и храбрый воевода Мих. Ивановичъ Воротынскій. Главная атака на Казань ведется съ Арскаго полка; поэтому тутъ кипитъ живая дѣятельность русскихъ.

⁽¹⁾ Царст. книга, стр. 270, 294. и 296-я

⁽²⁾ Подкопъ въ XVI в. только обрушивалъ стѣну, а не дѣлалъ въ ней пролома

⁽³⁾ Царств. книга, стр. 299-я.

идеть подземная работа минёровъ. Не дремали и татары, они направляютъ на Арское поле всѣ усилія обороны. Когда 30 Сентября взрываютъ татарскіе тарасы по сю сторону рва у Царевыхъ и Арскихъ воротъ и обрушиваютъ стѣну, всѣ татары устремляются сюда за защиту. Въ это время воеводы, пользуясь паникой татаръ, подвигаютъ осадную линію ближе къ городу, къ самому рву у Царевыхъ, Арскихъ и Атамъковыхъ воротъ. Остальные русскіе войска не выдерживаютъ и всѣ внезапно бросаются на городъ; дѣлается страшная сѣча, громъ орудій, крики сражающихся, звукъ оружія, трескотня отъ ружейныхъ выстрѣловъ, огонь, дымъ—вотъ ужасная картина боя подъ Казанью 30 Августа, рисуемая намъ Царствен-ною книгою (на стр. 295). Русскіе вскорѣ занимаютъ стѣны и городскія ворота отъ Арского пола. Самъ благородный князь Воротынскій думалъ, что время начать общій приступъ къ Казани, но Иоаннъ IV остановилъ его: онъ очень хорошо понималъ, что еще не время покончить съ Казанью. Подкопы, на которые такъ разспѣтывалъ Царь, какъ на могущественное средство озадачить и смутить татаръ и этимъ самымъ разъединить ихъ силы, были еще не готовы; татары общими силами очень легко могли отбить осаждающихъ, направивъ всѣ свои войска на одинъ пунктъ крѣпости. И потому войска были, по приказанію Государя, отведены назадъ изъ города: они повиновались неохотно и все-таки часть стѣны, башня и укрѣпленія около Арскихъ воротъ остались въ ванихъ рукахъ. На стѣнахъ городскихъ русскіе поставили щиты со стороны города, вокругъ внутренней стороны занятой стѣны и въ проломахъ поставили турмы съ землею. Татары также въ мѣстахъ стѣны, пробитыхъ взрывомъ, начали ставить срубы и насыпать ихъ землею. Обѣ стороны стрѣляли одна въ другую на близкомъ разстояніи. Подвижная шести-саженная башня, устроенная дѣлкомъ Выродковымъ въ началѣ Сентября, иѣчто въ родѣ нашего стариннаго Гулай-Городка, подвезенная на колесахъ къ Царевымъ воротамъ и вооруженная на мѣстѣ полутора-выми и затинными пищалими, наносила пораженіе татарамъ внутри города. (Цар. кн. стр. 290) Наконецъ въ послѣдній моментъ Казанской осады повели подкопъ около Арскихъ воротъ. Подкопъ этотъ должно искасть недалеко

отъ Арскихъ воротъ, въ мѣстности между Царскими и Кайбадскими воротами, гдѣ-нибудь на юго-восточной окраинѣ татарской крѣпости, въ той части нашей осадной (контравалационной) линіи, которую командовалъ Воротынскій. У насъ есть даже указаніе, гдѣ былъ этотъ подкопъ. Въ Исторіи о Казанскомъ Царствѣ есть классическое мѣсто, которое повторяется буквально тѣми лѣтописцами, которые пользовались этимъ сопинешіемъ. Вотъ это мѣсто: «одинъ подкопъ подъ стѣну отъ Поганаго озера, на углу подъ стрѣльницу, на десной сторонѣ Арскихъ воротъ, идѣже нынѣ Спасскія ворота именуются и храмъ у нихъ внутри города поставленъ св. мученикъ Кипріанъ и Устиній»⁽¹⁾. Какъ понимать это показаніе? Считать ли это мѣсто поврежденнымъ послѣдующую вставкою о храмѣ Кипріана и Устинія или же нужно придавать ему полную силу достовѣрности? Сообразя показанія Писцовой книги, можно, кажется, придать этому мѣсту слѣду-

(1) Ист. о Каз. Цар., стр. 211-я. Софійскій Временникъ. (Изд. 1821 г. ч. II, стр. 414), повторяетъ это мѣсто съ буквальной точностью; это мѣсто повторяется и въ отрывкѣ Русской лѣтописи по Воскресенскому Новоіерусалимскому списку. (Полн. Собр. Рус. лѣт. т. VI, стр. 310-я). Никоновскій Лѣтописецъ (т. VII, изд. 1791 г., стр. 173) слѣдуетъ при описаніи приступа Царственной книги. Лѣтописецъ Нормантскаго (Врем. т. V, стр. 69-я) вовсе не имѣть описанія приступа къ Казани, это мѣсто утрачено. Русскій Лѣтописецъ (изд. Львова 1792 г., стр. 412, 413) слѣдуетъ новѣствованію Царств. книг. Воскресенская лѣтопись (Полн. Собр. Рус. лѣт. т. VIII) оканчивается 1541 годомъ. Русскій Временникъ (изд. 1790 и 1820 г.) оканчивается 1540 г. Архангелогородская лѣтопись (изд. 1819 г.), содержитъ очень краткое извѣстіе о взятіи Казани «Въ лѣто 7061 на завтрей послѣ Покрова Царь и Великій Князь Иванъ Васильевичъ взялъ Казань подкопомъ, ходилъ подъ Казань самъ.» Псковскія лѣтописи (Полное Собр. Рус. лѣт. т. III, IV, V) о взятіи Казани рассказываютъ также въ вѣсколькихъ строкахъ. Типографскій лѣтописецъ (изд. 1792 года подъ заглавиемъ «Лѣтописецъ») доходитъ до 1534 года.

ющее толкование. Писцовая книга упоминаетъ о нѣсколькихъ Поганыхъ Озеркахъ. При описаніи дворовъ Спасской улицы говорится: «нальво въ переулкѣ, а изъ него къ Поганому озерку 5, да къ другому Поганому озерку 3 двора» (стр. 37-я). Въ другомъ мѣстѣ, при перечисленіи стрѣлецкихъ дворовъ прибора головы стрѣлецкаго Хохлова, говорится: «отъ острожныхъ (Арскихъ) воротъ направо подлѣ острогу дворы стрѣлецкіе 4 двора, да въ переулкѣ отъ острогу направо по обѣ стороны 4 двора, да падь боеракомъ⁽¹⁾ два двора, да отъ боераковъ 9 дворовъ у переулка, отъ Торжковъ двора перешедъ къ прѣзжеву двору, отъ прѣзжева двора въ переулкѣ дворы по обѣ стороны 7 дворовъ, отъ переулка Треховыми переулкомъ, отъ боерака по обѣ стороны 13 дворовъ, да другимъ переулкомъ къ Бѣлаго озерку, по обѣ стороны, 14 дв. да недоходя Бѣлаго озерка, переулкомъ къ Поганому озерку по обѣ стороны 5 дворовъ и т. д.» (стр. 44 и 45). Дѣло идетъ, очевидно, о мѣстности около нынѣшняго Чернаго Озера, гдѣ на весьма близкомъ разстояніи находились Бѣлое и Поганое озерки. Выше (стр. 10, 11.) мы сдѣлали замѣтку о системѣ озеръ, лежавшей въ низменной части г. Казани. Вѣроятно, татарская крѣпостная стѣна на восточной окраинѣ Казани между Арскими и Царевыми или Спасскими воротами дѣлала внутренній или входящій уголъ такъ, что Арскіи и въ особяности Царевы ворота выдавались изъ юговосточной линіи городской стѣны. По самому простому соображенію, они должны были стоять на той кручѣ, которую ограничивается линія Воскресенской улицы къ югу, около Университетской Клиники. Къ нимъ въ послѣдствіи времени была подвезена башня, устроенная Выродковымъ; она стояла на краю возвышенного плато Воскресенской улицы, наносила значительный вредъ непріятелю, стрѣляя чрезъ стѣну впуть города. Вѣроятно, стѣна здѣсь была очень низка, такъ какъ естественный профиль укрѣпленія былъ очень силенъ. Въ этомъ-то внутреннемъ углу, вѣроятно, и шелъ второй подкопъ, по направленію къ возвышенной части Казани, занимаемой

(1) Подъ боеракомъ разумѣется, вѣроятно, возвышенная мѣстность, занятая нынѣ домами г. Юшкова.

имъ Воскресенскою улицею. Если мы представимъ, что здѣсь шель подкошь подъ стѣны и подъ башню, то самое показаніе лѣтописей о мѣстѣ первого подкопа объяснится само-собою. Подкошь, при такомъ порядкѣ дѣла, дѣйствительно шель отъ Ногаинаго Озера и вправо отъ Арскихъ воротъ, потому что Верхнее Ногайное Озеро занимало мѣстность нынѣшняго Чернаго и бывшаго Баннаго озера, теперь засыпанаго: подкопъ шель къ Спасскимъ или Царевымъ воротамъ, которыя, по показанію Писцовой книги, были именно въ этой мѣстности, по правой сторонѣ Арскихъ воротъ. Подкопъ изъ русскаго лагеря, стоявшаго на Казанской равнинѣ, на западѣ отъ Арскихъ воротъ, представлялся дѣйствительно по правой сторонѣ Арскихъ воротъ. У Спасскихъ воротъ была, вѣроятно, первоначально поставлена и церковь Спаса Нерукотвореннаго, деревянная, построенная вокругъ знамени Иоанна IV въ одинъ день. 2 Октября 1552 г. и вскорѣ по томъ при построеніи Кремля перенесенная на Спасскія Кремлевскія ворота. Здѣсь же могла быть и церковь Кипріана и Устины, также въ послѣдствіи перенесенная въ Кремль. Что именно здѣсь Иоаннъ IV стоялъ съ своимъ знаменемъ при взятіи Казани, въ этомъ, кажется, не можетъ быть и сомнѣнія. Предъ началомъ приступа Государь слушалъ литургію въ своеѣ станѣ, а станъ Царя находился близъ Отчевы мизгити (мечети) на Кураишевѣ, т. е. около нынѣшней Сѣниой площади. При началѣ приступа, послѣ взрыва подкоповъ, Царь двигается съ своеї свитою въ гору, перейдя Булакъ по мосту, и идетъ къ своему полку, который имено стоялъ около Царскихъ воротъ. ⁽¹⁾ Въ Софійскомъ Временникѣ ⁽²⁾ и въ Русской лѣтописи по Воскресенскому списку ⁽³⁾ читается: «Царь, перешедъ Булакъ, ида къ горѣ, и ста полкомъ...

⁽¹⁾ См. Цар. кн., стр. 304. Сравни 298 и 299 страницы той же книги, гдѣ излагается планъ приступа, также Лѣвок. Лѣтоп., стр. 419. Никон. Лѣтоп. т. VII, стр. 177-я.

⁽²⁾ Соф. Врем. стр. 418.

⁽³⁾ Поли. Собр. Лѣт. т. VI, стр. 312-я. Но въ дальнѣйшемъ повѣствованіи о взятіи Казани лѣтописи начи-

И ставъ противъ Арскихъ воротъ, нынѣ же именуются Спасскія, идѣже виѣ стоять храмъ Господа Бога нашего Иисуса Христа Нерукотвореннаго образа.» Лѣтописецъ здѣсь смѣщалъ Царскія ворота съ Арскими, а можетъ быть, эта ошибка сдѣлана позднѣйшими переписчиками. По Нисцовой книгѣ мы видимъ, что Арскія ворота никогда не иеренимечались въ Спасскія, а существовали особо по лѣвой ихъ сторону. Курбскій разъясняетъ памъ наше недоумѣніе. Онъ разсказываетъ, что когда въ Казани, по вицѣ мародеровъ, сдѣлалось замѣщательство и татары начали тѣснить наши войска, то *мужи воинчальники Царскіе* повелѣли Царское знамя близъ воротъ городскихъ, называемыхъ Царскими, подвинуть, а самого Цара волей и неволей, взявши коня его за узду, поставили около знамени. ⁽¹⁾ Что именно здѣсь стоялъ Иоаннъ IV и, если вошелъ въ городъ, то на очень недалекое разстояніе, это доказывается тѣмъ обстоятельствомъ, что Царь впослѣдствіи для торжественнаго вступленія въ городъ велѣлъ очистить дорогу совершенно съ противоположной стороны Казани именно по той причинѣ, что войти въ городъ съ Арскаго поля и двигаться къ Царскому двору было невозможнно, по множеству лежавшихъ въ городѣ труповъ. ⁽²⁾ Стоя въ Царскихъ воротахъ, Иоаннъ IV послалъ своихъ приближенныхъ въ Казань, то на помощь войскамъ, то за вѣстями о ходѣ штурма, взять ли въ пленъ Казанскій Царь и т. д. ⁽³⁾ Церковь Нерукотвореннаго Спаса дѣйствительно находилась на окраинѣ города. Это свидѣтельствуетъ Царственная книга. ⁽⁴⁾ Софійскій Временникъ ⁽⁵⁾ и Русская лѣтопись по Воскресенскому списку ⁽⁶⁾

наютъ перечѣчивать факты. Такъ онъ говорятъ, что отсюда Царь дѣлаетъ распоряженіе о взорваніи подкоповъ между тѣмъ, какъ эти подкопы были взорваны во время слушанія Царемъ латургіи.

⁽¹⁾ Курб., стр. 39-я.

⁽²⁾ Цар. книга, стр. 311-я.

⁽³⁾ Тамъ-же, стр. 305 и сл.

⁽⁴⁾ Цар. кн., стр. 310.

⁽⁵⁾ Соф. Врем., стр. 421-я.

⁽⁶⁾ Полн. Собр. рус. лѣт., томъ VI, стр. 314-я.

говорить, что Государь, поставивши Благовѣщенскій Соборъ, «другой храмъ поставилъ за городомъ у Арскихъ воротъ, Господа Бога Спаса нашего Нерукотвореннаго Образа». Лызловъ подтверждаетъ это извѣстіе почти буквально. ⁽¹⁾

VІ. За воротами Спасскими на западъ лежали ворота острожныя *Ногайскія*; на нихъ была башня съ командою изъ 4-хъ стрѣльцовъ, съ двуми пищалями затинными и четырьмя рушницами, а у самыхъ воротъ внутри крѣпости была поставлена сторожевая изба. Мы знаемъ изъ Писцовой книги, что эти ворота стояли на спускѣ съ горы съ Арского поля къ Булаку. Отсюда, по всей вѣроятности, 18 Августа сдѣлано было нападеніе на нашъ арріергардъ. О Ногайскихъ воротахъ говорится въ Царственной книгѣ: во-первыхъ, 30 Сентября ⁽²⁾ около Ногайскихъ воротъ горѣли мости; во-вторыхъ, при распределеніи войскъ къ приступу ⁽³⁾, по Ногайской дорогѣ, которая шла изъ этихъ воротъ, стоялъ сторожевой отрядъ боярина Юрия Оболенского, состоявшаго подъ начальствомъ Князя Владимира Андреевича, чтобы на наши войска не сдѣлано было нападенія со стороны Арского лѣса.

VII. «На острогѣ же, на старомъ Татарскомъ кладбищѣ, говорится въ Писцовой книгѣ, ворота мазаны на Заразѣ, по обѣ стороны врага къ Булаку, даны стрѣльцамъ для воды; сторожей у башни на воротахъ нѣть, а замыкаютъ ихъ на ночь сгрѣльцы.» (стр. 50). Не это ли были *Крымскія* ворота, о которыхъ два раза упоминается въ Царственной книгѣ, именно подъ 27 и 28 Августа? ⁽⁴⁾ Въ этотъ день Государь повелѣлъ Боярину Михаилу Морозову ставить *большой нарядъ* по турамъ: нарядъ прикатили и поставивши по турамъ, начали безпрестанно стрѣлять изъ него по городу *стѣнобитными боемъ и верхними пушками отчленными* ⁽⁵⁾; стрѣльба была такъ часта и мѣтка, что татарамъ не давали показываться на верху стѣнъ. Госу-

⁽¹⁾ Скиеская Ист. Андр. Лызлова, изд. Новик. 1787, стр. 126-я.

⁽²⁾ Царств. кн., стр. 296-я.

⁽³⁾ Тамъ-же, стр. 298-я.

⁽⁴⁾ Цар. кн. стр. 277-я.

⁽⁵⁾ См. выше, стр. 64 и 65-ю.

дарь послалъ окольничаго Морозова съ приказаниемъ усилить стрѣльбу тамъ, гдѣ ставилъ туры около стѣнъ отрядъ Воротынского. Въ это время татары сдѣлали внезапно вылазку изъ Крымскихъ воротъ на полкъ кнізя Ивана Мстиславскаго; произошла страшная сѣча и во время схватки русские взяли предводителя татарского отряда Карамышъ-Улана, который спачала было взялъ верхъ надъ застигнутымъ въ расплохъ отрядомъ Мстиславскаго. Далѣе объ этихъ воротахъ упоминается, что 28 Августа при дальнѣйшемъ поставленіи туровъ по всей юго-восточной сторонѣ Казани изъ Крымскихъ воротъ вылазокъ со стороны татаръ сдѣлано не было па нашу осадную линію. Предполагать съ этой стороны Крымскія ворота заставляетъ насъ то, что они могли лежать только со стороны юго-западнаго угла крѣпостной стѣны Казани, по направлению къ Крыму. Что касается до Татарскаго кладбища, то обѣ чимъ упоминается въ Царственій книгѣ при диспозиціи войскъ къ штурму. Князь Владиміръ Андреевичъ стоялъ во время штурма отъ Татарскаго кладбища на посадѣ противъ Царскихъ воротъ (¹), а сзади его по всей линіи отрядъ Царя Шигалея и боярина Ивана Федоровича Мстиславскаго.

VIII. Ворота острожныя *Проломные* лежали, какъ мы выше говорили, между Боголюбенскою Церковью и Церковью Николы-Вешнякова (стр. 36 и 37). Караваль на этихъ воротахъ былъ обыкновенный, т. е. одинаковый по числу караульныхъ и по наряду съ тѣмъ, который былъ на Спасскихъ и Ногайскихъ воротахъ. Нѣть сомнѣнія, что Проломные ворота тожественны съ Аталаиковыми. Название Аталаиковыхъ эти ворота получили, можетъ быть, отъ того Аталаика, который погибъ противъ этихъ воротъ за Булакомъ, во время осады Казани въ 1530 году или же потому, что ихъ укрѣплялъ и защищалъ Чапкунъ князь, бывшій Аталаикомъ у Эдигера (²) и известный измѣной самъ въ Мартѣ 1552 года. Когда посланные отъ Государя воеводы хотѣли занять Казань, онъ затворилъ во-

(¹) Тамъ-же, стр. 298-я.

(²) Тамъ-же, стр. 262-я.

рота Казани и захватить въ плѣнъ русскихъ боярскихъ дѣтей, которые вошли въ Казань, (1) въ видѣ гарнизона.

IX. Затѣмъ Казанская ограда переходила за Булакъ. «За Булакомъ у Архіепископли слободы, говоритъ Писцовая книга, ворота *Кураишевскія*, къ *Утучевой мизгити*, противъ Татарскія заострожныя слободы» (стр. 50). Название Кураишевскихъ ворота эти получали отъ мѣстности *Кураишева*, о которой говорится въ грамотѣ Грознаго архіепископу Гурю 1555 года, Августа 13-го. Здѣсь также важно для чистъ указание Писцовой книги о мѣстѣ Отучевой мечети. Этю мечетью опредѣляется мѣсто Царскаго стана подъ Казанью. 18 Августа, когда Царь Иоаннъ IV прибылъ подъ Казань, онъ держалъ совѣтъ съ княземъ Владиміромъ Андреевичемъ. Царемъ Шигалеемъ и съ воеводами, и на этомъ совѣтѣ рѣшено самому Царю съ его полкомъ и князю Владиміру Андреевичу стать лагеремъ на Царевомъ лугу, близъ *Отучевы мизгити*, а Шигалею за Булакомъ подъ *кладбищемъ*. (2)

X. «Ворота острожныя отъ Ямскія слободы, на воротѣхъ башни средняя *Кураишевская*» в

XI. «Ворота противъ Ямскія слободы близко Гнилаго Булака, на воротѣхъ башни.» Этимъ оканчивается описание острожной Казанской стѣны и острожныхъ воротъ въ Писцовой книжѣ. По этому описанію можно заключить, что въ стѣнѣ вокругъ Забулачья было три башни и трое воротъ. Первые изъ нихъ находились около самаго Булака, при переходѣ городской стѣны чрезъ эту рѣчку, а третий около устья Булака. Такимъ образомъ описание деревянной крѣпостной стѣны по Писцовой книжѣ во многомъ сходно съ тѣмъ описаніемъ этой стѣны, которое оставилъ намъ геодезистъ Пестриковъ, посланный въ Казань въ 1739 году известнымъ нашимъ писателемъ Василіемъ Татищевымъ, задумавшимъ составить Географію Россіи. (3) Вотъ это описание. «О деревянной крѣ-

(1) Тамъ-же, стр. 201-я.

(2) Царств. кн., стр. 263-я.

(3) Опытъ Каз. Ист. Рычкова, стран. 173, 174-я. Мы выписываемъ Пестрикова, по рукописи О. Ев. Алекс. Малова. См. Изв. по Каз. Епар. 1871 г. № 18.

ности, въ которомъ году построена была и кѣмъ, известія неѣтъ, а въ бытность губернатора Волынскаго разрушена до основанія. Оная начало свое имѣла съ западную сторону отъ Никольскихъ воротъ, отъ рѣки Казанки и продолжалася чрезъ рѣку Булакъ и въ Мокрую слободу, а оттуда къ Татарскому мосту, который лежитъ на Булакѣ и прямо на гору чрезъ Проломную улицу и къ Кузнецкому ряду *узаломъ*, потомъ къ Федоровскому монастырю, а отъ Федоровскаго монастыря по *узалу рѣки Казанки* внизъ прямо до каменной же крѣпости, къ церкви Великомуч. Параскевы, нареченной Патинцы, и къ Димитровскими воротамъ.» Въ общихъ своихъ чертахъ это описание почти сходно съ описаніемъ Писцовой книги, только нельзя не замѣтить, что острожная стѣна сравнительно съ описаніемъ Писцовой книги была расширина въ XVII и XVIII вѣкахъ, именно въ мѣстностяхъ, лежащихъ за Булакомъ и со стороны Федоровскаго монастыря. Здѣсь крѣпость, дѣлавшая поворотъ отъ Тульскихъ воротъ, лежавшихъ у Николы Тульскаго, около выиѣншаго Тюремнаго замка, захватила улицы Нолову гору и Косаткину. Отъ конца Воскресенской улицы крѣпость, дѣйствительно, дѣлала поворотъ къ Черному Озеру, здѣсь она шла къ Кузнецкому ряду, который находился на Николаевской площади, недалеко отъ гостиницы Михайлова. Улицы Старая Горшечная, Рыбно-ридская, Грузинская и Лядская, заселились гораздо позже взятія Казани. Еще Пестриковъ на мѣстѣ Грузинской улицы видѣлъ Красную слободу, а на мѣстѣ Георгіевской — Кирпичную слободу. ⁽¹⁾

Замѣчательно, что во время составленія Писцовыхъ книгъ посадъ Казанской дѣлился на собственно посадъ и слободы. Это видно изъ счета церквей на Посадѣ. (стр. 43) «И всего на посадѣ въ острогѣ *три* церкви ружныхъ, да *шесть* церквей, да въ придѣлахъ *две* церкви приходныхъ.» Въ Казани были въ это время слѣдующія церкви: 1) Петропавловская, съ теплою церковью *Козьмы и Даміана*, 2) Николы-Боровскаго, 3) Николы-Гостини, 4) Николы-Лицунова, съ теплою церковью *Козьмы и Даміана*, 5) Церковь Прославскихъ Чудотворцевъ, 6) Цер-

⁽¹⁾ Тамъ-же, стр. 178-я и 179-я.

ковь Николы-Зарайского, съ придѣломъ Параскевы-Пятницы, 7) Церковь Покрова Пресв. Богородицы, 8) Воздвиженская и 9) Николо-Бешняковская. Эти церкви не перечисляются въ Писцовой книге. Но между ними нѣтъ церквей Воскресенской, Николы-Тульского и Успенской, о которыхъ только мимоходомъ упоминается въ Писцовой книгѣ; следовательно это были три церкви слободскія, которыхъ не входили въ опись посада. ⁽¹⁾

Окончимъ наши Очерки старой Казани общимъ обзоромъ хода осады Казани въ 1552 году, что собственно и было первоначальною причиной появленія этой книги.

VII.

Ходъ осады и взятія Казани въ 1552 году русскими войсками.

У насъ настолько накопилось материала, что мы можемъ составить общее попятие о планѣ осады и штурма Казани въ 1552 году.

Взятіе Казани въ 1552 году, безъ сомнѣнія, есть одно изъ великихъ событій нашей отечественной исторіи. Казанская осада есть одна изъ послѣднихъ страницъ исторіи почти пяти-вѣковой (1024—1552) нашей борьбы съ татарами. Взятьемъ Казани русскіе исполнили до конца свою великую историческую задачу — на своихъ плечахъ вынесли нашествіе на Европу варварскихъ полчищъ Средней Азіи, — назначеніе благородное, исполненное самоопожертвованія, примѣровъ отваги и великихъ народныхъ бѣствий. Первый нашъ публицистъ и участникъ Казанской осады и штурма, князь Курбский замѣчаетъ: «за помощью Божію сопротивъ сопостатовъ возмогло воинство Христіанское. И противъ какихъ сопостатовъ? Того вѣ-

(1) Изъ этого обстоятельства видно, что нельзя заключать о несуществованіи въ Казани такихъ зданій, о которыхъ вовсе не упомянуто въ Писцовой книгѣ или упомянуто мимоходомъ. Писцовая книга составлялась въ видахъ финансового фиска прежде всего.

ликаго и грознаго народа, отъ котораго нѣкогда и все-
ченная трепетала, и не только трепетала, но и опусто-
шена была.» ⁽¹⁾ Послѣ паденія Казани русскій посолъ
въ Крыму имѣлъ право съ твердостію говорить хану:
«Государь нашъ сидѣтъ на своемъ конѣ и недругамъ сво-
емъ недружбу мстить...» ⁽²⁾ Нашъ исторіографъ Карам-
зинъ считалъ взятие Казани равносильнымъ Мамаеву по-
боищу. ⁽³⁾ Чтобы оцѣнить важность того или другаго
историческаго события, мы ищемъ вѣрный критерій въ
исторической пѣснѣ. О взятии Казани дошли до насъ исто-
рическія пѣсни между тѣмъ, какъ о Куликовской битвѣ
до насъ не дошло этой народной памяти. ⁽⁴⁾ Это понятно.
Куликовская битва не освободила Русь отъ татаръ, и послѣ
нея они паходили дорогу на Русь. Казанское взятие со-
вершенно обезопасило наши восточные грачицы. Съ паденіемъ Казани начинаетъ свободно дышать вся страна
по обѣимъ сторонамъ Волги или Поволжье, она переста-
етъ быть для Казанцевъ неистощимымъ источникомъ добычи невольниковъ; земледѣлецъ Низовой земли можетъ
спокойно обрабатывать свою землю, не боясь внезапнаго
захвата въ рабство. Глазатовъ, самъ лично испытавшій
татарскую неволю въ продолженіи 20-ти лѣтия ильна
въ Казани, такъ говорить о тогдашихъ пародныхъ бѣд-
ствіяхъ: «како могу я описать напасти и бѣды Русскихъ
людей во времена тѣ? Казанцы изъ земли нашей не вы-
ходили, а всегда воевали и проливали кровь, какъ воду.
Христіанъ каждый день уводили въ пленъ Казанскіе са-

⁽¹⁾ Курбскій стр. 12. Одинъ изъ нашихъ лѣтописцевъ (Воскресенская лѣтопись), разсказывая о взятии Казани, съ явившимъ восторгомъ упоминаетъ о томъ, что русскіе, при штурмѣ не только брали въ пленъ, но и одирали (обирали) татаръ. Понятевъ восторгъ лѣтописца о неожиданной перемѣнѣ ролей: прежде татары одирали русскихъ, теперь явились возможность русскимъ одирать татаръ. Военная добыча всегда считалась немаловажною наградою воина.

⁽²⁾ Ист. Рос. Соловьева т. IV, стр. 285-я.

⁽³⁾ Ист. Гос. Рос. изд. 1844 г. т. VIII, гл. 4, стр. 115.

⁽⁴⁾ Оч. Ист. Рус. Лит. Карапулова 1865 г., стр. 22—23.

радины, старымъ же и негоднымъ выкальвали глаза, а инымъ отсекали руки и ноги и, какъ бездушный камень, валилось тѣло на землю; младенцевъ варвары отъ матерей, когда они имъ улыбались и руки подавали, они кровопийцы за горло ихъ давили и о камни и стѣны разбивали или на копья надѣвали.»⁽¹⁾ Словомъ—русской земли досталась въ XV и XVI вѣкахъ роль современной Болгаріи. Какъ способны совершать дикия варварства, и притомъ хладнокровно и безцѣльно, средне-азіатскіе народы, можно убѣдиться изъ живописныхъ разсказовъ Вамбери⁽²⁾ и военныхъ очерковъ нашихъ Ташкентцевъ. Вотъ почему подвигъ взятія Казани нашими предками не только почтился дѣломъ славнымъ, но и религіозной заслугой.—это былъ крестовый походъ земли Русской противъ исламизма. Такъ представляло этотъ походъ духовенство XVI вѣка, съ Митрополитомъ Московскимъ въ главѣ⁽³⁾; такъ понимали его ратные люди и весь русскій народъ. Курбскій свидѣтельствуетъ, что трудности похода подъ Казань и ея осады сносились охотно и ими не тяготились, «не ощущалось ни единаго нужда, мы другъ предъ другомъ порывались къ великимъ подвигамъ, напаче самъ Господь вами помогаль.»⁽⁴⁾ Къ Казавскому походу Царь и вой-

(1) Ист. о Каз. Цар. гл. XXV, 87, 89. Наезды татаръ простирались въ глубь Россіи на 300—400 и болѣе верстъ. Лѣтописецъ расказываетъ, что однажды на сырной недѣлѣ 6000 татаръ напали на Балахну въ то время, когда у православныхъ христіанъ есть обычай упиваться, захватили полуульянскихъ жителей и прямо отвели въ кѣнь въ Казань; съ бѣдиаковъ скочилъ хиѣль, но было уже поздно, не успѣли они одуматься, какъ ихъ пригнали въ Казань и распредали, какъ овецъ. (Ист. о Каз. Цар. гл. XXVI) При воцареніи Шигалея въ Казани освобождено было изъ Казанского пленя 60.000 русскихъ, во это все-таки была небольшая часть плѣнниковъ. (Ист. Рос. Соловьевъ т. VI, 89—90).

(2) Путеш. по Средн. Аз. Вамбери изд. 1865 г., стр. 72, 73.

(3) Царств. кн. стр. 211-я.

(4) Курб. стр. 16—17-я.

ска готоватся молитвою и постомъ. Іоаннъ IV ходить по монастырямъ, шлетъ богатую милостыню по церквамъ, (1) о побѣдѣ молятся по всей Русской землѣ, даже на отдаленномъ Соловецкомъ островѣ. (2) Религіозное воодушевленіе не покидаетъ войска и во время осады. Небесная помощь видна во все время осады. Предъ приступомъ всю ночь совершаются служба въ походныхъ церквахъ, воины, исповѣдываясь и пріобщаясь, готовятся испить смертную чашу, безъ унынія идутъ на смертный пиръ.

Съ покореніемъ Казани прекращается вредное вліяніе татаръ на объединеніе Руси. Это вредное вліяніе можно выразить въ слѣдующихъ положеніяхъ: 1) Казань, заслоняя отъ Россіи нижнее теченіе Волги, лишала ее богатаго рынка для сбыта и обмѣна произведеній жителямъ Восточной Европы, Западной и Средней Азіи. 2) Казанцы, составляя съ Ногаими и Крымцами одно племя, тяготѣли къ этимъ племенамъ, не смотря на свою значительную цивилизацию въ сравненіи съ ними, Казанцы не утратили своей воинственности и вмѣстѣ съ этими племенами дѣлали набѣги на русскія области; это были самые беспокойные сосѣди и мѣшали развитію Руси и ея цивилизациі. 3) Наконецъ значительная часть Казанского царства была заселена черемисами, мордвой, мещерой, чувашами, которые, по своей бѣдности, робости и невоинственности, безусловно подчинялись Казанскому царству, но эти племена можно было бы цивилизовать и обруслить, если бы русскіе пріобрѣли преобладающее вліяніе въ Казанскомъ царствѣ.

Для покоренія Казани, Русскіе государи постарались исподволь образовать въ ней Московскую партію, которая тѣтчасъ же начала борьбу съ Крымской партіею. Эта борьба была совершенно согласна съ Московскою политикою и давала Московскому Государству возможность непрестанно вмѣшиваться въ дѣла враждебной намъ Казани. Благодаря политической мудрости Московскихъ государей, эта политика послѣдовательно проводилась во

(1) Ист. о Каз. Цар. гл. ХХVIII.

(2) Матер. для исторіи и геогр. Рос. Каз. губ. Лаптева. 1861 г., прим. къ стр. 563-й.

все царствование Вел. Князя Василия Ивановича, во время регенерства Елены Глинской и во все отрочество Иоанна IV, послѣ смерти Великой Княгини.

Иоаннъ IV въ 1547 году, принялъ въ свои руки управление государствомъ, будучи 17-ти лѣтъ отъ роду. Въ этомъ же году, Декабря 11-го ⁽¹⁾ опѣ сдѣлалъ первую попытку противъ Казани, но эта попытка не имѣла успѣха, напротивъ нашъ неуспѣхъ даже ободрилъ Казань. Очевидно, что молодой царь, полныи юношеской энергіи, слѣдя традиціонной политикѣ предковъ, нетерпѣливый по природѣ, возбуждаемый благочестивымъ религіознымъ чувствомъ, слишкомъ поторопился и началъ походъ, пересчитавъ ни своихъ средствъ, ни силъ противника, ни естественныхъ препятствій къ покоренію Казани. Второй походъ Иоанна въ 1549—50 году тоже не имѣлъ успѣха, поѣтъ важенъ въ томъ отношеніи, что во время этого похода мы основали г. Свѣтлѣскъ, что имѣло для счастливаго исхода нашей борьбы съ Казанью важное значеніе. Во 1-хъ, оно подготовило успѣхъ послѣднаго похода: если бы и на этотъ разъ осада оказалась неудачной, мы могли на время отвести свою армію къ Свѣтлѣску, и, что особенно важно, могли помѣстить тамъ на время свою осадную артиллерию и запасы; во 2-хъ, основаніе новаго города на Свѣтлѣ, на Круглой горѣ ⁽²⁾, покорило памъ всю Горную Черемису: въ 3-хъ, запугало Крымскую партію, представители которой тотчасъ жеѣжали изъ Казани, и подъ давленіемъ Московской партіи сама Казань начала просить у Московскаго государя себѣ па царство Шигалея, служилаго татарскаго царевича, которому Василий III далъ въ удѣль г. Касимовъ. Шигалей, прибывши въ Казань, освободилъ 60,000 русскихъ плѣнныхъ. Но Шигалей не исполнилъ тѣхъ надеждъ, которыя возлагали на него Иоаннъ IV и Московская партія въ Казани. Онъ колебался между двуми партіями, не имѣя настолько силы характера, чтобы примкнуть искренно и решительно къ одной изъ двухъ. Плѣнныхъ онъ освободилъ далеко не всѣхъ, мстилъ своимъ недоброжелателямъ съ татарскимъ

(1) Царств. кн. стр. 146-я.

(2) Тамъ-же стр. 158.

коварствомъ и жестокостью, на требование Московскаго правительства заключать пушки и уничтожить въ Казани военные запасы онъ отвѣчалъ, что онь «мусульманинъ и не погубить свой юртъ.» Правление Шигалея въ Казани послужило лишь къ возбужденію между жителями Казани непримиримой ненависти къ Москвѣ. По крайне-упорной оборонѣ Казани въ 1552 году можно судить, что сама масса населенія, которая обыкновенно въ средне-азіатскихъ государствахъ играетъ самую ничтожную политическую роль, симпатизировала Крымск. партіи, тѣмъ болѣе, что выдача плѣнныхъ жителями Казанскаго царства разстроивала экономической ихъ быть,—она била Казанцевъ сильно по карману. Шигалей даже успѣлъ въ становить противъ себя и Московскую партію и довелъ ее до того, что она начала просить въ правители въ Казань русскаго боярина, лишь бы избавиться отъ своего единовѣрнаго Цара. Москва воспользовалась просьбою и Ioannъ IV приказалъ двинуться изъ Свіяжска въ Казань воеводѣ Микулинскому. Шигалей пришелъ изъ Казани въ русскій лагерь и привелъ съ собою аманатовъ, отрядъ боярскихъ дѣтей вошелъ въ Казань; но русскій воевода имѣлъ не-благоразуміе отпустить въ Казань татарскихъ аманатовъ, которые прикинулись сочувствующими видамъ Московск. партіи,—возвратясь въ Казань, они произвели въ городѣ восстаніе, часть нашего гарнизона успѣла выйти изъ города, оставшаяся же часть была истреблена татарами, воеводы отступили къ Свіяжску. Удобный моментъ къ занятію Казани былъ опущенъ, по веблагоразумію воеводъ, которые фактически уже владѣли Казанью, потому что имѣли тамъ свой гарнизонъ, а это повело дѣло къ тому, что вѣковая борьба съ Казанью должна была рѣшиться путемъ осады, которая выказала предъ исторіей всю способность тюрко-татарскаго племени защищать крѣпости. Впрочемъ страсти должны были и безъ этого вспыхнуть, потому что напряженіе обѣихъ сторонъ было слишкомъ велико: племенная и религіозная рознь, кровавые обиды, накопившіяся вѣками, свѣжее воспоминаніе о господствѣ съ одной и обѣ унизительномъ рабствѣ съ другой стороны, все это—было такъ сильно въ XVI вѣкѣ, что должно было возвудить кровавую, упорную и рѣшительную борьбу.

Первымъ враждебнымъ дѣйствіемъ въ компанию 1552 г.

со стороны татаръ было нападеніе ихъ на Горную Черемису. Нападеніе было такъ внезапно и удачно, что Свіяжскіе воеводы скоро увидѣли себя въ большой опасности.—Свіяжскъ былъ очень далеко выдвинутъ впередъ изъ-за нашихъ предѣловъ и легко могъ быть взятъ Казанцами, а это могло отдалить рѣшеніе борьбы: по въ Москвѣ предвидѣли эту опасность и своевременно отправили на помощь Свіяжску войска. Все это ускорило рѣшеніе Иоанна IV идти походомъ на Казань. Рѣшено было идти на Казань лѣтомъ, хотя всѣ предшествующіе Казанскіе походы совершились зимою потому, что это время года считалось болѣе удобнымъ для переходовъ по странѣ болотистой, пересѣченной рѣчками и озерами. Но два неудавшихся похода, благодаря внезапнымъ оттепелямъ, показали, что въ зимній путь не надеженъ. Кроме того походъ лѣтомъ представлялъ то преимущество, что Волга, текущая почти въ направлении операционной линіи, представляла отличное средство для перевозки тяжестей.

Послѣ многихъ приготовленій начался послѣдній Казанскій походъ, завершившійся покореніемъ Казани. Маршъ на Казань имѣть характеръ флангового марша, такъ какъ съ юга и юго-востока ожидали нападенія на русскія области Крымцевъ и Ногаевъ. Впрочемъ скоро получено было извѣстіе, что Крымцы поворотили назадъ. ⁽¹⁾ Движеніе русскихъ войскъ къ Свіяжску было предпринято 3-мя колоннами. Лѣвая колonna, самая удаленная отъ опасности, была отправлена Волгой, — она состояла изъ части войскъ, при которой слѣдовали подъ Казань орудія и огнестрѣльные и жизненные припасы. Одна колonna, подъ начальствомъ Государя и Князя Владимира

(²²) Помѣтка объ этомъ въ Царств.кнігѣ, на стр. 228-й весьма характерна. «И часы отдаютъ ночные противъ. середы; пригонилъ съ Тулы городчикъ, а сказываетъ, прішли немногіе люди, семь тысячъ, воевавъ, да поворотили изъ земли» Но русскіе не дались въ обманъ. посланы были отряды на помощь къ Тулѣ, которую осадилъ ханъ Девлетъ-Гирей. Киди, что городъ приготовился къ осадѣ и слыша, что на помощь къ нему идутъ войска, Ханъ снялъ осаду и ушелъ въ Крымъ.

Андреевича, составлявшая центръ, двинулась прямо на Владимиръ и Муромъ къ Свіяжску. Правая колонна составлявшая лѣвое крыло арміи, следовала подъ Казань окольнымъ путемъ на Рязань и Мещеру. При войскѣ, бѣшившемъ въ судахъ по Волгѣ, находился и Шигалей, котораго Государь уважалъ за его благоразуміе и знаніе края. Впрочемъ онъ не командовалъ отрядомъ,—командовалъ имъ генералъ Петръ Андреевичъ Булгаковъ. Войска на маршъ не терпѣли лишеній. Черемисы доставляли войску свои скучные запасы, а изобиліе дичи въ лѣсистой и малонаселенной странѣ дѣлало походъ удобнымъ.

Повторимъ то, что мы сказали въ различныхъ мѣстахъ нашихъ Очерковъ о положеніи Казани, о ея укрѣпленіяхъ, о выгодахъ и невыходахъ, которая представляла мѣстность Казани для осаждающихъ и осажденныхъ. Въ Казанской татарской крѣпости съ сѣверной стороны стѣна не доходила до р. Казанки, а шла вдоль вершинъ, образующихъ крутыя скаты къ этой послѣдней. Выдающіеся пункты мѣстности, напр. мѣстность около Дворца, Пятницкой Церкви, мѣстность между теплою церковью Казанского Богородицкаго монастыря и тюремнымъ замкомъ были укрѣплены башнями; подъ нѣкоторыми изъ этихъ послѣднихъ были вороты, чрезъ которыхъ осажденные могли скоро и удобно дѣлать вылазки на наши батареи. Самая крѣпость съ югозападной и сѣверовосточной стороны Казани представляла возвышенное плато, съ глубокой впадиной посрединѣ, въ видѣ подковы; эта средняя изменность простиралась на сѣверъ и доходила до Казанки. Южная сторона крѣпости, какъ мы видѣли въ VI главѣ нашихъ Очерковъ, была болѣе фланкирована башнями. Русскія войска, пришедши на Казанскую равнину, 18-го Августа при своемъ движеніи вдоль пса, для занятія назначенныхъ имъ мѣстъ при осадѣ Казани,шли, выставляя свой правый флангъ впередъ и выдвигая его вокругъ Казани на югъ, юго-востокъ и отчасти на сѣверъ; лѣвой же флангъ въ это же время отчасти оставался около западной стороны крѣпости, а отчасти перешелъ за Казанку, гдѣ и соединился съ войсками праваго фланга, спустившимися съ Арскаго поля къ Казанѣ, очевидно съ тѣмъ, чтобы прикрыть уголъ между Казанкою и Волгой, пунктъ, удержаніе котораго для насть весьма было

важно, потому что Волга представляла собою единственную нашу коммуникационную линию. Мы базировались на Волге около того угла, который образуется впадением въ нее Казанки. Съ этой же цѣлью Государь съ сильнымъ отрядомъ лучшаго войска всталъ лагеремъ со стороны Волги, около Отчевой мечети, стоявшей на Кураишевѣ т. е. на мѣстности, лежащей вправо отъ Сѣниой площа-ди къ Бакалдинской пристани, на Волгѣ⁽¹⁾. Въ предше-ствующіе походы наша армія всегда становилась въ этомъ же мѣстѣ и нашъ лагерь составлялъ цѣль нападеній Ка-занцевъ. Въ слѣдствіе характера Циволжской мѣстности, которая суживается между Кабаномъ и возвышен-ностью, на которой стоитъ Казань, представляя при входѣ на Арское поле значительную крутизну и доселѣ имѣющую покатость не менѣе 20°, провести часть арміи на Арское поле было дѣломъ не легкимъ. Дѣйствительно, едва наши войска начали взбираться на крутизы между оз. Кабаномъ и крѣпостью, какъ изъ Казани было сдѣлано сильное нападеніе на ихъ флангъ, но энергическая помощь, поданная авангарду особымъ отрядомъ, который нынѣ называется боковымъ авангардомъ, заставила тата-рь поспѣшило укрыться въ ворота крѣпости. Нашъ аван-гардъ удачно дебушировалъ на Арское поле.

Планъ защиты, придуманный татарами, также отличался большою энергию и предусмотрительностію. Помѣстивъ въ городъ до 30,000 отборнаго войска, татары выслали до 30,000 кавалеріи и 25,000 ногайцевъ въ окрестности въ особенно въ Арскій лѣсъ, чтобы эти летучіе отряды непрестанно беспокоили пасъ съ тыла. Въ особенности ихъ нападеніямъ подвергался центръ, состоявший изъ войскъ Большаго Цолка, подъ начальствомъ Воротынска-го. Нашего войска подъ Казанью было до 150,000 и при чёмъ значительный отрядъ кавалеріи. Изъ того, что при одномъ дѣлѣ подъ Казанью было введено въ битву 30,000

(1) Въ этой мѣстности и выше находится Царево Озе-ро, влѣво отъ Стекольпаго завода. Получило ли это озе-ро, свое имя отъ Казанскихъ царей, которые выѣзжали сюда на лѣтній сабашъ или отъ Царскаго лагеря — рѣшить трудно.

конница, можно заключить, что русская кавалерия при осаде Казани составляла $\frac{1}{5}$ часть осадного корпуса, т. е. почти то самое число, которое придается въ настоящее время действующимъ арміямъ. Но вѣроятно, въ это дѣло введена было не вся наша кавалерія. Кроме того Царскій отрядъ состоялъ изъ 20,000 кавалеріи, (1) состоящей изъ боярскихъ дѣтей знатныхъ родовъ, отличавшихся расторопностью, прекраснымъ вооруженіемъ и навыкомъ въ ратномъ дѣлѣ. (2) У русскихъ подъ Казанью было 150 осадныхъ орудій и кромѣ того много пушекъ стояло при Царской ставкѣ. (3) Мы видѣли выше, что о тогданинѣ артиллеріи нельзя имѣть особенно высокаго мнѣнія. Лучшимъ доказательствомъ этому служитъ, что осада Казани шла очень продолжительно и все-таки окончилась штурмомъ. Штурмъ былъ очень упоренъ, а это неминуемо доказываетъ, что артиллерія мало подготовила его успѣхъ. Кроме того мы должны были прибѣгать къ такимъ средствамъ, какъ подвижная башня, производили обвалы въ деревянной крѣпостной стѣнѣ не брешь-батареями, какъ это дѣжалось въ XV и XV вѣкахъ въ Европейскихъ арміяхъ, (4) а подкопами и взрывами. Городъ былъ деревянный, но мы не могли въ немъ дѣйствовать артиллеріи и зажигательными снарядами произвести ни одного пожара. Царственная книга упоминаетъ лишь о горѣніи виѣшнихъ мостовъ чрезъ рвы и о горѣніи деревянной виѣшней стѣны. (5) Окола конца Августа городъ былъ обложенъ русскими войсками въ слѣдующемъ порядкѣ. Большой Полкъ Воротынского и Передовой Провского занимали линію отъ Булака до Федоровского монастыря по Арскому полю. Правая Рука Щенятева и Курбского стояла противъ города, за Казанкой, начиная отъ нынѣшняго Казанского моста до Казанского Богородицкаго монастыря. Отъ монастыря до Арского поля стоялъ Эр-

(1) Курб. стр. 28-я.

(2) Царств. кн. стр. 251-я.

(3) Курб. стр. 25-я.

(4) Курсъ Фортіфикаціи Ласковскаго и Болдырева.

1864 г., стр. 23.

(5) Царств. кн. стр. 296.

тоуль Шемякина. На усть Булака и вверхъ по нему стоялъ Сторожевой Полкъ Князя Серебрянаго, а отъ него влево по Булаку Лѣван Рука кн. Микулинскаго.

Осаду Казани можно раздѣлить на два периода.

I. Въ первыя три недѣли Казанской осады войска наши терпѣли значительный уронъ, въ слѣдствіе системы обороны, принятой непріятелемъ. Оборона Казани была чисто активная. Вылазки изъ Казани на нашъ лагерь поддерживались нападеніями на нашъ тылъ, который производились татарскою конницею, высланною изъ Казани передъ осадой. Свѣдѣнія объ осадѣ вообще очень коротки и отрывочны, но сображая нѣкоторыя частныя обстоятельства и принимая во вниманіе, что законы тактики, видоизмѣняющіеся сообразно требованіямъ времени, способа вооруженія и примѣнительно ко многимъ другимъ причинамъ, въ существѣ своемъ остаются незыблѣмы, мы должны заключить, что послѣ обложенія крѣпости наши войска, отчасти для защиты себя отъ вылазокъ, произвели, впереди своего фронта нѣкоторыя приспособленія, вырыли ровъ траншей или параллелей и укрѣпили ихъ палисадомъ и турами—иначе сказать—уступая духу времени и тактики своего вѣка, устроили то, что называется контравалаціонною линіею. Видно, что осадою руководили люди, знакомые съ тогдашнею Европейскою фортификаціею. Изъ нѣкоторыхъ свидѣтельствъ нашихъ лѣтописей и по соображенію всего хода осады Казани можно положительно заключить, что ходомъ осады руководили иностранные инженеры. Въ Казани даже сохранилось преданіе, что одному изъ этихъ инженеровъ, англичанину Бутлеру Царь послѣ осады и взятія Казани подарилъ обширныя земли въ Казанскомъ краѣ. Разумѣется, при осадѣ Казани не могло быть и рѣчи о сдѣланіи апрошой (подступовъ), такъ какъ огонь крѣпости не былъ настолько силенъ, чтобы дѣлать ихъ необходимыми. Вмѣстѣ съ тѣмъ указаніе, что на нашъ тылъ дѣлаемыя нападенія отражались кавалеріею, заставляетъ предполагать, что при взятіи Казани не было сдѣлано, такъ называемой, циркумъ-валаціонной линіи, хотя ея устройство неминуемо требовалось тогдашнею тактикою и фортификаціею. Подъ именемъ циркумвалаціонной линіи въ XV и XVI вѣкахъ разумѣлась задняя или вторая линія вокругъ крѣпости, устро-

иаемая осаждающими, которая служила защитой лагерю ихъ съ поля, со стороны непріятеля, могущаго прийти на помощь осажденному пункту; она укрѣплялась точно также, какъ и передняя или контравалационная, орудіями. Первый періодъ осады ограничивался вылазками изъ крѣпости, нападеніемъ татаръ на нашъ лагерь съ тыла и ихъ отраженіемъ. Все это держало въ напряженіи наши войска, порождало болѣзни и производило крайнее утомленіе войскъ. Курбскій разсказываетъ, что не было у солдатъ ни времени поѣсть, ни времени уснуть. (1) Не смотря на численный перевѣсъ нашихъ силъ надъ войсками противника, въ первый періодъ осады Казани мы не только не пріобрѣли никакого фактическаго преимущества, но напротивъ, въ слѣдствіе скученности массы войскъ передъ верками крѣпости и безпрестанныхъ вылазокъ, потери русской осадной арміи были очень значительны. Въ военномъ совѣтѣ, собранномъ Царемъ, были припяты слѣдующія мѣры. Армію раздѣлили на двѣ части, одна половина ея оставлена въ шанцахъ подъ Казанью, а другая была отведена въ лагерь, гдѣ находился самъ Царь; эту половину рѣшились употреблять, смотря по обстоятельствамъ, т. е.—говоря современнымъ языкомъ—рѣшили не держать въ траншеяхъ излишняго числа войскъ, напрасно подвергавшихся выстрѣламъ и всѣмъ опасностямъ траншейной службы, отдѣлили часть войскъ, сколько нужно было, въ осаждающей корпусъ, а для остальныхъ несшихъ легчайшую службу придумали болѣе полезное употребленіе—иначе сказать,—образовали два корпуса: осаждающей и прикрывающей осаду. Слѣдствіемъ этого была битва съ татарами на Арскомъ полѣ, окончившаяся совершиеннымъ имъ пораженіемъ, причемъ 1000 человѣкъ взято въ плѣнъ; число весьма значительное. если примемъ во вниманіе ожесточеніе обѣихъ сторонъ, при которомъ не могло быть много пленныхъ. Во-вторыхъ, слѣдствіемъ этого распоряженія былъ походъ русскихъ на Арскъ, отстоящій отъ Казани 56 верстъ, при чьемъ были взяты приступомъ засѣки въ Арскомъ лѣсу. Отрядъ Курбскаго

(1) Слова Курбского: (стр. 26, 27) «три недѣли толѣ бѣды было, ико и брашна намъ онаго, зѣло нужнаго, че да ли пріимати многажды.»

и вся Правая Рука перешла на лѣвый берегъ Казанки, Сторожевой Полкъ, стоящий у устья Булака, перешелъ на правый его берегъ, наши правый и лѣвый флаги соединились. Для окончательного приступа былъ избранъ самый доступный фронтъ крѣпости, восточный съ Арского поля. Выборъ для подкона и обвала башни около Царскихъ воротъ должно признать вполнѣ соответствующимъ, требовавшимъ военной науки, что и подтвердилось вполнѣ послѣдующимъ успѣхомъ штурма. Сильная мина, заложенная съ западнаго фронта Казани, хотя и имѣла своею главною цѣлью дать возможность проникнуть штурмующимъ колонамъ во-внутрь Казани (¹) съ двухъ сторонъ, но все-таки имѣла отчасти характеръ ложной демонстраціонной аттаки, существующей отвлечь внимание Казанскаго гарнизона отъ пункта, угрожаемаго въ действительности. На самомъ дѣлѣ атака началась на возвышенность Воскресенской улицы съ двухъ сторонъ. При несовершенствѣ русской артиллеріи въ XVI вѣкѣ и при командованіи крѣпостнымъ веркомъ пашею позицію, мы до послѣднихъ дней осады наносили весьма ограниченный вредъ осажденнымъ: лишь въ послѣднее время подвижная башня, поставленная около Царевыхъ воротъ на возвышеннѣи мѣстѣ, наносила сплошную убыль осажденнымъ. Но чѣмъ болѣе приближалась осень, тѣмъ болѣе и болѣе затруднительнымъ становилось положеніе нашихъ войскъ. Дожди, начавшіеся въ Сентябрѣ, превратили всю Казанскую равнину въ сплошное болото; доставленіе продовольствія Волгою становилась все болѣе и болѣе затруднительнымъ. Между тѣмъ въ Казани оставалось еще болѣе половины ея защитниковъ. 3-го Сентября русскіе взорвали часть стѣны у Арскихъ воротъ и заняли башни надъ воротами. Нѣкоторые изъ русскихъ воеводъ думали тотчасъ начать приступъ, но по отдаленности войскъ, по неподготовленности ихъ къ штурму, который требовалъ многочисленныхъ предварительныхъ распоряженій, штурмъ отложили на 2-е Октября и войска, хотя съ трудомъ, отзовали отъ города. Во вслѣмъ случаѣ эта попытка принесла намъ огромную пользу тѣмъ,

(¹) Царств. кн. стр. 299-я.

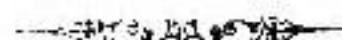
что сильно ослабила юговосточнй фронтъ крѣпости: удержавши за собой Арскую башню, мы стали твердою ногою на юговосточномъ углу крѣпости. Татары возвели на этомъ мѣстѣ временныхъ укрѣплений или *траверзы*, но эти укрѣпленія, построенные наскоcо, и слабый ихъ профиль естественно не представляли имъ прежней защиты, и войска наши, сражаясь на близкомъ разстояніи и имѣя на своей сторонѣ численный перевѣсъ, паносили имъ до самаго 2-го Октября сильный вредъ, чѣмъ ослабили защиту ими юговосточнаго фаса крѣпости и вмѣстѣ съ тѣмъ обезпечили успѣхъ приступа. Стѣна здѣсь во многихъ мѣстахъ была уничтожена, а рвы засыпаны.

Приступъ къ Казани 2 Октября 1552 года назначень былъ, вопреки обычаямъ нашимъ, въ воскресный день только потому, что весь Казанскій походъ имѣлъ характеръ крестового похода. Царь и войска пріобщились Св. Таинъ въ лагерныхъ церквяхъ Преп. Сергія, Арх. Михаила и Св. Великом. Екатерины. На приступъ войска шли съ иѣнiemъ священныхъ иѣсней, нападали на татаръ съ криками: «Съ нами Богъ!» Главная атака поведена была съ Арскаго поля, подъ начальствомъ предводителя центра, князя Воротынскаго; каждому военачальнику назначены для атаки отдѣльные ворота, у штурмующихъ колонъ были резервы; кавалерійскіе отряды посланы были для наблюденія за путями, ведущими къ городу со стороны Арскаго поля, по Ногайской (отъ Кабана) и по Галицкой (или Царевококшайской) дорогамъ. При Царѣ остался отрядъ тѣлохранителей въ 20,000 человѣкъ, въ смыслѣ гвардіи или главнаго боеваго резерва. Царь не участвовалъ лично въ битвѣ, даже не было назначено общаго главнокомандующаго, по штурмовымъ колонамъ действовали отдѣльно, начальники ихъ только обязаны были подавать другъ другу помощь. Одно обаяніе Царскаго присутствія дѣйствовало благотворно на войска. Царемъ лично было сдѣлано назначеніе начальниковъ штурмовыхъ колонъ и распределена роль каждой колонны въ общей тѣлѣ крѣпости. Предъ началомъ приступа Царь ~~зашелъ~~ въ церковь и когда шла обѣдня, во время чтенія Евангелія и сугубой эктеніи взорвало подкопы одинъ за другимъ. Войска тотчасъ же двинулись на городъ и усиленно вторгнулись внутрь его. Около 10-ти

часовъ утра дѣло было въ слѣдующемъ положеніи. Наші войска овладѣли виѣницею стѣною съ юго-востока и юго-запада Казани, Иоаннъ IV приблизился къ городу и сталь около Царскихъ воротъ, татары съ Эдигеромъ съ одной стороны (сѣверной, занеслись на Царевомъ дворѣ), съ другой стороны стали на Тезинскомъ врагѣ, гдѣ въ битву вмѣшилось и мусульманское духовенство. Въ это время войска наши начали мародировать. И при современномъ состояніи военного искусства трудно управлять войсками, нущенными на приступъ, потому что они при этомъ ускользаютъ изъ подъ непосредственнаго наблюденія офицеровъ. Видя русскія войска въ городѣ, а знамена на стѣнахъ, вся лагерная челядь бросилась въ городъ грабить, чѣмъ еще болѣе разстроила наши разъединенные приступомъ отряды, потому что за этою сволочью бросилась грабить городъ и часть ройскъ, бывшихъ въ строю. Татары, видя, что ряды русскихъ войскъ рѣдѣютъ, сами перешли въ наступленіе. Тогда только былъ введенъ въ дѣло царскій отрядъ или главный нашъ резервъ.—онъ двинулся въ Казань чрезъ Царевы ворота, причемъ къ фактической помощи присоединена была нравственная—самъ Царь двинулся въ городъ со знаменемъ. Находившіеся въ Царевомъ дворѣ татары сначала выставили за дворѣ всѣхъ женщинъ гарема, «съ прекрасныхъ и преисполненныхъ одеждахъ», по словамъ Курбского, около десяти тысячъ, (¹) чтобы отвлечь русскихъ и задержать наступленіе войскъ подъ начальствомъ Воротынского; съ другой стороны завели переговоры съ Курбскимъ, которые должны были имѣть одну цѣль—спасти городъ отъ разграбленія, потому выдали Царя и, привлекая за собою всю массу побѣдоносныхъ враговъ, перебросились чрезъ стѣну, поднявшись по кучамъ труповъ и перешли Казанку, гдѣ большую частію и погибли.

Протоіерей Ил. Заринскій.

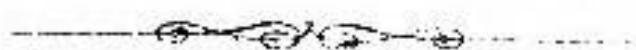
1-го Мая, 1877 года.
Г. Казань.

(¹) Курб. стр. 40-я.

О П Е Ч А Т К И.

Напечатано.	Страницы.	Чтено и исправлено.
Слово.	Страницы.	Чтено и исправлено.
2	16	поставленые
22	5	головныхъ
24 пропла.	9	Коготи.
31	33	по сюжету
31	36	Московскію
38	5	Балашиной
38 пр. 1, стр. 10	10	шахматы
	14	превращенія
10	25	бояко премнѣніи
16	9	шахматы
17	20	всемъ
19	23	что несъ
53	28	звукъ
56	11	пространствъ
69	7	переданныхъ
	11	окончанія,
73	10	есть и имена
79	11	законъ
111	28	между ними въ монастырь
		ской ризницѣ
116	12	были чадомъ
128 прямъ	2	Рыбуниной
131	28 30	Спасителясь образомъ . . .
		охраняемый
133	9	суды
139	3	острого
146	8	Уголовъ
147	32	шахматы
156	6	1522
158 Синодъ	2	правую
172 . . .	6	недавнихъ

ЦЕРКВИ
СОВРЕМЕННОЙ КАЗАНИ:

- 1 Благодатицкий Соборъ.
- 2 Церковь Киприана и Устини.
- 3 Спасский монастырь.
- 4 — Спаса Нерукотворного.
- 5 Ивановский монастырь.
- 6 Церковь Николы Ляпнина
- 7 — Николы Магистратского (Боровской).
- 8 — Николы Гостинного.
- 9 — Богоявленская.
- 10 — Николы Вениаминова.
- 11 — Успенская.
- 12 — Вознесенская.
- 13 — Петра и Павла.
- 14 — Воскресенская.
- 15 — Покровская.
- 16 — Пятницкая (Николы Зарайской).
- 17 Телляя Церковь въ Казани иъ Богородицкими монастыремъ (Николы Тульского).
- 18 Федоровский монастырь (старое городище).

ВОРОТА

ТАТАРСКОЙ КАЗАНИ XVІІІ ВѢКА:

- I Муралеевы.
- II Элбугини.
- III Збойливы.
- IV Кайбатская.
- V Арская.
- VI Царевы.
- VII Ногайская.
- VIII Крымская.
- IX Атальковы.
- X Тюменская.

